

М.А. Беляев

**ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В РЕГУЛИРОВАНИИ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**

Учебное пособие

**Уфа
2015**

УДК 32.019.5:34 (470)
ББК 66.0+67 (2Рос)
Б43

Печатается по решению Учебно-методического совета Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»

Беляев, М.А.

Б43 Примириительные технологии в регулировании этнополитических конфликтов: учеб. пособие / М.А. Беляев. — Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО», 2015. — 90 с.
ISBN 978-5-904354-54-1

Учебное пособие посвящено одной из самых актуальных проблем современности — анализу этнополитической ситуации в Российской Федерации и технологиям регулирования этнополитических конфликтов.

Автор рассматривает природу и сущность этнополитических конфликтов, их классификацию, существующие модели их регулирования. В пособии анализируются особенности этнополитической ситуации в России и предлагаются апробированные автором примирительные технологии, позволяющие как предупреждать возникновение межэтнических и межнациональных конфликтов, так и использовать их в досудебном порядке.

Пособие предназначено для обучающихся на юридических факультетах вузов, по направлению «Правоохранительная деятельность», а также для всех, кто интересуется вопросами медиации и технологиями досудебного урегулирования конфликтов.

УДК 32.019.5:34 (470)
ББК 66.0+67 (2Рос)

ISBN 978-5-904354-54-1

© Беляев М.А., 2015
© Оформление. БИСТ (филиал)
ОУП ВО «АТиСО», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ»	6
1.1. Природа и сущность этнополитических конфликтов	6
1.2. Классификации этнополитических конфликтов	14
1.3. Модели регулирования этнополитических конфликтов	23
Глава 2	
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ И РЕГУЛИРОВАНИЕ	30
2.1. Особенности этнополитической ситуации в Российской Федерации	30
2.2. Примирительные технологии как инструмент регулирования этнополитических конфликтов: история и современное состояние	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	70
ЛИТЕРАТУРА.	72

ВВЕДЕНИЕ

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира¹. Только представителей национальностей в нашей стране около двухсот, а точнее сто девяносто три, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года. Более того, в качестве средств коммуникации населением используется двести семьдесят семь языков. Все это в современных условиях нестабильной геополитической ситуации в мире помещает Россию в зону политического риска.

Согласно данным Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, во второй половине XX века в мире произошло несколько сот вооруженных столкновений, из которых более 70% были межэтническими (или просто этническими)².

Этнополитические конфликты в современной России имеют глубокие исторические, социально-экономические, демографические и политические корни, оставаясь одной из острейших проблем современности. Все это создает угрозу безопасности не только отдельных граждан и представителей различных национальностей, но и целостности и стабильности России в целом.

Очень важно отметить, что «национальный вопрос» является приоритетным направлением управления Российской Федерацией. 19 декабря 2012 г. в России была принята Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. В ней отражено не только будущее видение политико-административного управления нашей страной в области национальной политики, но, что более важно с точки зрения науки, выявлены причины, порождаю-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666]. Доступ из СПС Консультант плюс.

² Садохин А.П. Этнология: учебное пособие. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2011. С. 298.

щие этнополитические конфликты современности. И, самое главное, в Стратегии расставлены приоритеты дальнейших действий и усилий не только государства, но гражданского общества.

Так, основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации являются:

- сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности;
- обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;
- создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и международного мира и согласия на Северном Кавказе;
- поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией¹.

Каждое вышеперечисленное направление потенциально содержит в себе целый пласт этнополитических конфликтов. Кроме того, 21 марта 2014 г. Президент России подписал Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов»². Это важнейшее историческое событие также усилило политические и, как следствие этнополитические риски.

Все это, безусловно, является основанием теоретического осмысления сложившейся политической практики в области этнополитической ситуации и возможностей ее регулирования.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666]. Доступ из СПС Консультант плюс.

² URL: <http://www.kremlin.ru/news/20625>

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ»

1.1. Природа и сущность этнополитических конфликтов

Этнополитические конфликты выдвигаются в качестве одной из основных мировых проблем современности и продолжают оставаться одним из ведущих факторов нестабильности на земном шаре. О важности исследования и предотвращения конфликтов на этнической, межнациональной основе свидетельствуют и такие цифры: по некоторым источникам, в конце XX в. число погибших в межнациональных конфликтах на постсоветском пространстве составило более одного миллиона человек¹.

В современном мире наиболее распространенными становятся этнополитические конфликты (межэтнические, межнациональные).

Изучением этой группы конфликтов в России занимаются такие ученые, как В.В. Амелин, Л.И. Дробижева, М.Н. Губогло, Н.П. Медведев, В.А. Тишков, Э.А. Паин, В.Н. Иванов, АР. Аклаев и др.

В настоящее время существует множество определений понятия «этнополитический конфликт». Приведем наиболее распространенные.

В.А. Тишков определяет этнополитический конфликт как «конфликт с определенным уровнем организованного политического действия, общественных движений, массовых беспорядков, сепаратистских выступлений и даже гражданской войны, в которых противостояние проходит по линии этнической общности»².

Р.Г. Абдулатипов рассматривает этнополитический конфликт как агрессивное столкновение различий, интересов и противоречий, взглядов, прежде всего, в восприятии, интерпретации и участии в социаль-

¹ *Давитадзе М.Д.* Причины возникновения и стадии развития межнациональных конфликтов // Стабилизация ситуации и мирное развитие на Северном Кавказе: мат-лы 1-й Междунар. науч.-практич. конф. М.: Пробел, 1999. С. 157.

² *Тишков В.А.* О природе этнополитического конфликта // Свободная мысль. 1993. № 4. С. 8.

но-экономических и политических процессах; их отражение в сфере этнонациональных отношений, использование разногласий и различий в данной сфере для решения политических задач¹.

По мнению А.-Х.А. Султыгова, этнополитический конфликт обусловлен политическим, экономическим, социальным, территориальным неравенством этносов, отдельной разновидностью этнического конфликта, либо стадией его развития, которая характеризуется столкновением между этносами, с одной стороны, и государством, с другой стороны, по поводу повышения политического статуса данного этноса, предоставления ему права формирования органов государственной власти или получения (завоевания) полного суверенитета².

Е.В. Савва выделяет этнополитический конфликт как особую форму социального конфликта, включающую в себя этническую мотивацию (в любом виде: этнического превосходства, угнетения, угрозы потери этнической идентичности) и в котором оказываются задействованными политические институты³.

Этнополитический конфликт разворачивается между субъектами политики, в котором этнические особенности являются принципом политической мобилизации. В данном виде конфликта хотя бы одной из сторон выступает этническая группа.

Этнополитический конфликт содержит признаки как политическое, так и этническое противоречие. Политическое противоречие зависит от специфики политической сферы, этническое — от особенностей этнических групп как сторон или субъектов конфликта.

Остановимся на вопросе структуры конфликта. А.Р. Аклаев предлагает две модели описания структуры конфликта. Первая — *структурная* модель — характеризует формы и контексты проявления конфликта, описывает характеристики, влияющие на конфликтное поведение. Вторая — *динамическая* модель — описывает сам процесс протекания конфликта, рассматривает подробно этапы конфликта: его зарождение, проявления, развитие, завершение и исход.

Рассмотрим подробнее первую модель описания структуры конфликта.

¹ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004. С. 236.

² Султыгов А.-Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях. М., 2005. С. 11.

³ Савва Е.В. Этнический и этнополитический конфликт: проблемы построения теоретической модели // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. Москва-Ставрополь, 2002. С. 106–107.

В структурной модели описания конфликта в качестве основных составляющих рассматриваются границы конфликта, конфликтная ситуация (она включает субъекты конфликта, взаимоотношения между ними и предмет спора), состояние окружающей социальной среды (контекст), в рамках которой возникает и развивается конфликт (табл. 1).

Таблица 1 – Структурная модель конфликта

Границы конфликта	Конфликтная ситуация	Окружающая социальная среда (контекст)
Пространственные	Субъекты (стороны конфликта)	Социальный контекст
Временные	Отношения сторон	Внутриполитический контекст
Системные	Предмет спора	Международно-политический контекст

Границы конфликта – это его внешние пределы в пространстве и во времени, а также его положение в более широкой системе этнополитических отношений. Соответственно, можно выделить три аспекта границы конфликта: пространственный, временной и внутрисистемный. Остановимся на них подробнее.

Пространственные границы конфликта определяются территорией, на которой происходит конфликт. Для каждого конкретного этнополитического конфликта устанавливаются, занимает ли он часть отдельной территории внутри страны, целиком административно-территориальную единицу, несколько регионов или страну в целом. Важно установить, как зона распространения конфликта соотносится с внешними границами государства и территориями сопредельных стран и населяющих эти страны этнических групп.

Временные границы конфликта – это характеристики его продолжительности во времени (начало и конец конфликта). Начало конфликта закладывается объективными актами поведения (столкновения), которые можно зафиксировать, наблюдая извне. О завершении конфликта мы говорим тогда, когда стороны прекращают открытое противостояние. Конфликт может быть исчерпан (в результате примирения сторон), прекращен (в результате выхода из конфликта одной из сторон или ее уничтожения), улажен или трансформирован (например,

в результате вмешательства третьих сторон). Определение временных границ конфликта (начавшийся, продолжающийся или закончившийся конфликт) важно для правильного анализа состава и роли участников (актуальных или присоединившихся).

Системные границы конфликта — это место противоборствующих сторон в более широкой социальной или политической системе. Границы конфликта в рамках системы зависят от того, насколько широк круг участников конфликта. Определение внутрисистемных границ конфликта подразумевает четкое выделение конфликтующих сторон из всего круга его участников и выявление реальных или потенциальных сочувствующих и сторонников. Это очень важно для возможности осуществления эффективных превентивных мер или действий по регулированию и управлению конфликтом.

Конфликтная ситуация — это основа конфликта, представляющая его исходное положение. Конфликтная ситуация состоит из трех составляющих: субъект конфликта, взаимоотношения между сторонами и предмет спора.

Субъекты этнополитического конфликта — это его участники, стороны. Они своими действиями порождают конфликт, придают ему определенное содержание и остроту, определяют его течение и изменение. При анализе конфликта недостаточно идентифицировать непосредственных субъектов конфликта с конкретными индивидами и группами. Необходимо адекватно оценить их качественный и количественный состав, степень политизации идентичностей, уровень мобилизации, наличие внешней ресурсной поддержки и другие переменные, а также косвенных участников конфликта.

Субъектами этнополитического конфликта могут выступать этнические группы, этнодиаспорные группы, государство, международные организации и некоммерческие неправительственные организации (табл. 2–3).

Таблица 2 — Этнические группы как субъекты этнополитического конфликта

Этнотерриториальные группы		Этнодиаспорные группы	
Этнонациональные группы	Группы коренных малочисленных народов с традиционным укладом жизни	Диаспоры-буржуа (меньшинства-посредники)	«Трудовые диаспоры»

Таблица 3 – Другие субъекты этнополитического конфликта

Государство		Международные организации	НПО (NGO)
Федеральный центр	Государство-участник конфликта	Государство-посредник	ООН, ЮНЕСКО, СНГ, ШОС Красный крест; Национально-культурные центры

А.Р. Аклаев предлагает разделение на этнотерриториальные и этнодиаспорные группы, которое отражает различающиеся мотивы, цели и формы конфликтного поведения разных типов групп¹.

Этнотерриториальные группы — это этнические меньшинства, проживающие на родной территории. В зарубежной литературе для обозначения этнических меньшинств, проживающих на «исконной» территории, используют такие термины, как «народы на своей родной земле» (*homeland peoples* у М. Эзмана²) или «национальные народы» (*national peoples* у Е. Гурра³). К этнотерриториальным группам, в свою очередь, относят этнонациональные группы — достаточно крупные по численности, сконцентрированные на одной территории группы, исторически обладавшие автономией, независимостью или же входящие в состав другого государства.

Еще один вид этнотерриториальных групп — группы коренных народов. Это малочисленные (менее 50 тыс. чел.) группы аборигенов, существенно отличающихся по укладу, культуре и образу жизни от основного населения государства.

Политические требования этих групп чаще всего связаны с достижением большего объема политической власти на территории (от тех или иных форм автономии до полного суверенитета, сецессии).

Этнодиаспорные группы — группы этнических меньшинств, образовавшиеся в результате миграции на территории принимающего иноэтнического сообщества. Среди такого рода групп выделяют три подгруппы: этнические мигранты-завоеватели; этнические диаспоры-буржуа; трудовые диаспоры. В настоящее время наиболее распространены вторая и третья подгруппы.

¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело АНХ, 2008. С. 85.

² Ezman M.J. International Organizations and Ethnic Conflict. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1994.

³ Gurr T.R. Minorities at Risk: Global View of Ethnolitical Conflicts. Washington, DC: USIP Press, 1003.

Этнические мигранты отличаются стремлением интегрироваться в принимающее общество, но при этом сохранить свою этнокультурную идентичность, традиции и обычаи.

Политические требования этого типа групп связаны с достижением большей степени участия в политической системе принимающего иноэтнического сообщества, но они лишены какого-либо территориального аспекта.

Третья составляющая структуры конфликтной ситуации — *отношения сторон*. При анализе конфликта необходимо установить, какие отношения между конфликтующими сторонами были до начала конфликта и какие планируются после его завершения.

Есть некоторые переменные, которые следует учитывать при изучении конфликтной ситуации:

- характер и степень интеграции и субординации сторон по отношению друг к другу;
- баланс сил и его оценка сторонами. Он оказывает влияние на динамику конфликта, на выбор средств достижения цели и даже на то, будет ли конфликт существовать в открытой форме;
- степень уверенности одной из сторон в признании другой стороной законности сложившегося статус-кво;
- совместимость социальных позиций, уровня организации, ценностей, ресурсов сторон.

Выделяют также и специфические особенности этнополитического конфликта. Этнические группы являются большими социальными образованиями. Поэтому, чтобы оценить отношения сторон до конфликта с дальнейшей возможностью сохранить их и далее, очень важно понять их структурность и их интегрированность в рамках государства. Но не менее важны и социально-психологические характеристики групп. В связи с этим конфликтологи предлагают различать три основных типа восприятия этническими группами друг друга: эссенциалистское, прагматическое и реципрокное¹. Эссенциалистское восприятие характеризуется восприятием группами друг друга как тотальной угрозы, вплоть до социально-культурного уничтожения. Прагматическое восприятие подразумевает ситуацию, когда конфликт интересов находится на острой стадии и в то же время возможен компромисс (не по жизненно важным интересам). Реципрокное восприятие предпола-

¹ *Rothschild D.* Hegeonial exchange: An alternative model for managing conflict in Middle Africa // Thompson, D.L., Ronen D. (eds) *Ethnicity, Politics and Development*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 1986. P. 87–93

гает стремление групп согласовывать интересы на взаимовыгодной основе при участии третьей стороны — государства.

Наконец, для анализа конфликтной ситуации необходимо обратиться по поводу чего он возник. Эта составляющая конфликтной ситуации называется *предметом конфликта*. Существует различие между предметом и объектом конфликта. Объект — это то, что притягивает внимание и устремления субъектов и в то же время противопоставляет их друг другу, являясь основой возникновения конфликта (территория, ресурсы, статус, ценности). Предметом конфликта принято считать некоторые характеристики объекта, по поводу которых происходит противостояние субъектов конфликта. Предмет, таким образом, — это объективно существующая или мыслимая проблема, которая подлежит решению и становится причиной расхождения во взглядах, оценках и целях оппонентов (идентичность территории, связанная с идентичностью группы; собственность и распределение ресурсов, условия их использования, равноправие или неравноправие групп и др.).

Окружающая социальная среда (контекст)

К контексту конфликтного взаимодействия относят третью сторону (медиация, арбитры, СМИ, общественное мнение), участвующую в конфликте. Контекст конфликта влияет на цели и стратегии конфликтного взаимодействия. Контекст конфликтного взаимодействия определяют факторы, которые могут смягчить или усложнить противостояние субъектов конфликта. Большое значение для контекста имеет позиция и поведение сторон.

Очень важную роль в контексте играет институционализация отношений (социальных, политических, этнополитических). Институционализация конфликта означает создание постоянных или временных форм отношений, в которых происходит конфликтное взаимодействие сторон и которые способствуют его предупреждению, урегулированию и разрешению. Политическая институционализация в широком смысле — это процесс формирования в обществе устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих политическую сферу и организующих ее в систему ролей и статусов, организующих политическую систему. Институты — это нормы, сопровождающие их санкции и организационные формы, в которых они проявляются¹.

¹ Глухова А.В. Политическая конфликтология: состояние и тенденции развертывания // конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / под ред. Е.И. Степанова. М., 1999. С. 154.

При изучении социального контекста в центре внимания оказываются особенности типов этносоциальной стратификации, важное значение имеет учет сложившихся моделей этнической политики, политической организации мобилизации этничности, форм политического действия, особенностей внутриэтнических политических делений и конкуренции этнических элит. Важен и международный контекст этноконфликта.

Далее рассмотрим динамическую модель описания структуры конфликта (Р.А. Аклаев). В данной модели в протекании конфликта выделяют стадии: формирование конфликтной ситуации, конфликтное взаимодействие и завершение конфликта (табл. 4).

Таблица 4 – Динамическая модель описания конфликта

Конфликтная ситуация	Конфликтное взаимодействие		Завершение конфликта
	Эскалация	Деэскалация	
1. Латентная фаза 2. Актуализированная (манифестная) фаза	<p><i>Фазы эскалации психологической напряженности:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – латентная; – фрустрационная; – конфликтная; – кризисная. <p><i>Фазы эскалации конфликтного поведения:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – дискуссия; – поляризация; – сегрегация; – деструкция. 	<p>1. Фаза затягивания</p> <p>2. Фаза улучшения</p>	<p>Варианты прекращения конфликта:</p> <ul style="list-style-type: none"> – взаимное примирение сторон; – постепенное затухание конфликта; – перерастание в другой конфликт. <p><i>Фазы в случае взаимного примирения сторон:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Урегулирование конфликта 2. Разрешение конфликта

Первой стадией развития конфликта считается *формирование конфликтной ситуации*. На этой стадии проявляется главное противоречие, составляющее основу конфликта, при этом конфликт из латентной фазы переходит в открытую фазу (манифестную). Во время латентной фазы противоречия между сторонами уже существуют, но еще могут быть не осознаны ими. Присутствует социальное напряжение, но как таковой конфликт еще не является явным. Инцидент – первое открытое столкновение сторон – является признаком сформировавшейся конфликтной ситуации.

С момента проявления инцидента до завершения конфликта разворачивается *стадия конфликтного взаимодействия*. Можно выделить несколько фаз внутри этой стадии (см. табл. 4).

Завершением конфликта считается всякое окончание, прекращение конфликта. Это может быть завершение в результате примирения сторон, достижения некоторого компромисса или перерастания в другой конфликт.

1.2. Классификации этнополитических конфликтов

Для рассмотрения классификации этнополитических конфликтов необходимо обратиться к двум важным для нас научным дисциплинам — конфликтологии и политологии. В настоящее время существует достаточно большое количество классификаций конфликтов по разным критериям. Рассмотрим некоторые из них.

Начнем наш анализ с наиболее общих классификаций, наиболее традиционных для современной конфликтологии (табл. 5).

Таблица 5 — **Общеконфликтологические классификации конфликтов**

Основания классификации	Типы конфликтов
По форме проявления и степени публичности	Латентные и актуализированные. Насильственные и ненасильственные.
По качественным характеристикам	Рациональные и иррациональные. Интересов и ценностей. С нулевой суммой и с переменной суммой.
По коммуникативной направленности	Горизонтальные (симметричные) и вертикальные (асимметричные).
По особенностям протекания	Открытые и скрытые. Стихийные и спонтанные. Локальные и общие. Краткосрочные и затяжные.
По составу конфликтующих сторон	Внутриличностные. Межличностные. Внутригрупповые. Межгрупповые. Институциональные.

Основания классификации	Типы конфликтов
По возможности регулирования	Антагонистические и компромиссные. Конституционализированные и неконституционализированные.
По функциональной значимости	Конструктивные и деструктивные.

Учитывая, что этнополитические конфликты включают в свою структуру большое количество компонентов из политических взаимоотношений, считаем необходимым привести примеры общеполитологических классификаций конфликтов (табл. 6). Данную проблематику разрабатывали в отечественной политологии А.В. Глухова, Л.Н. Тимофеева, О.Ф. Шабров.

Таблица 6 – Основные общеполитические классификации конфликтов

По контексту проявления	По структурным компонентам политической системы, затронутым в конфликте
Внутриполитические конфликты. Внешиполитические конфликты. Смешанные конфликты.	Государственно-правовые конфликты. Статусно-ролевые конфликты. Конфликты политических культур.

Если рассматривать конкретный тип конфликта, то возможно более детальное деление на подвиды. Существует несколько специальных типологий этнических и этнополитических конфликтов, которые отражены в работах отечественных ученых.

Чаще всего типологии этнических конфликтов связаны с пониманием этнического конфликта в широком смысле слова (т. е. включают как политические, так и неполитические этнические конфликты). Рассмотрим типологию этноконфликтов, описанную Э. Паиным и А. Поповым¹. По характеру и образу действия конфликтующих сторон эта типология предлагает выделять три категории конфликтов:

1) *конфликт стереотипов*, когда этнические группы еще нечетко осознают причины противоречий, но в отношении оппонента создают нега-

¹ Паин Э., Попов А. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография. 1990. № 1.

тивный образ «недружественного соседа», «нежелательной группы» (так, по мнению авторов, начинался армяно-азербайджанский конфликт);

2) *конфликт идей*, характерными чертами которого является выдвигание тех или иных притязаний одной или обеими этническими группами, причем в литературе, СМИ обосновывается «историческое право» на самостоятельную государственность или на территорию другой этнической группы (как это было, например, в Армении и Азербайджане, Северной Осетии и Ингушетии);

3) *конфликт действий*, который проявляется в проведении митингов, демонстраций, пикетов, в принятии институциональных решений или же в открытых столкновениях этнических движений с оппонентами и органами власти.

Еще одна типология, построенная также по характеру конфликтных проявлений, содержится в работах А. Дмитриева¹, который предлагает различать три типа межнациональных конфликтов.

1. *Конфликты неуправляемых эмоций*, проявляющиеся в конфликтах-бунтах или погромах. Для подобных конфликтов характерна неопределенность целей организаторов беспорядков, случайность конкретных событий. Часто внешние проявления таких событий скрывают не поясненные до конца истинные причины. С точки зрения А. Дмитриева, это подтверждает анализ драматических ферганских событий 1989 года, когда погромам подвергались ни в чем не замешанные турки-месхетинцы, а также события в бывшей Югославии, во многом не поддающиеся рациональному толкованию.

2. *Конфликты идеологических доктрин*, которые связаны с политическими, национальными, религиозными движениями и имеют более или менее давние исторические корни. Национальные требования не формируются стихийно, а разрабатываются идеологами-теоретиками. Сторонники определенной идеи готовы пожертвовать за нее своей жизнью, поэтому таким конфликтам свойственен длительный исторический характер. К такого рода конфликтам относятся споры по поводу принадлежности территорий, их государственного или административного статуса, по вопросу возвращения ранее депортированных народов и т. д.

3. *Конфликты политических институтов*, которые в основном представляют собой споры о границах, о взаимоотношениях органов вла-

¹ См.: Дмитриев А.В. Конфликт на российском распутье // Социологические исследования. 1993. № 9; Он же. Этнический конфликт: теории и практика. М., 1998; Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2002.

сти, об их юрисдикции, о роли партий и движений и др. «Войны законов» и «парады суверенитетов» относятся к числу конфликтов именно такого типа.

А. Ямсков¹ предложил свой вариант «сферной» типологии конфликтов, основанной на типах целей, которые ставят перед собой субъекты этноконфликта в борьбе за ограниченные ресурсы:

1) *социально-экономические* (выдвигаются требования гражданского равноправия — от прав гражданства до равноправного экономического положения);

2) *культурно-языковые* (затрагивают проблемы сохранения или возрождения функций языка и культуры этнической общности);

3) *политические* (если участвующие в них этнические меньшинства добиваются политических прав — от местной автономии до полномасштабного конфедерализма);

4) *территориальные* (основаны на требованиях изменения границ путем присоединения к другому государству или создания нового, независимого государства).

Типология Г. Козырева² делит конфликты по признаку территории проживания и наличия/отсутствия государственных или административных границ. Таким образом, он рассматривает следующие типы конфликтов: *межгосударственные, региональные* между этносами, разделенными административной границей в рамках единого государства (например, карабахский или осетинский в рамках СССР), между центром и регионом (например, грузино-абхазский, молдово-приднестровский конфликты), *местные* конфликты (например, ферганский конфликт в Узбекской ССР).

В своей классификации этнонациональных конфликтов Л. Никовская и Е. Степанов, предлагают свою классификацию, в связи с тем, что невозможно провести классификацию таких конфликтов по одному основанию «в силу сдержанности самого объекта конфликта — этноса и причин, приводящих к этносоциальному столкновению или коллизии». Поэтому они предлагают сочетать различные основания для типологической характеристики этого рода конфликтов, поскольку, с их точки зрения, это «позволяет шаг за шагом разблокировать и уре-

¹ Ямсков А.Н. Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишкова, А.М. Малашенко. М., 1997.

² Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. М., 1999.

гулировать конфликтные ситуации»¹. Согласно такой (эkleктичной) классификации-типологизации, во-первых, многие этнонациональные конфликты можно назвать ложными, поскольку эмоции затрудняют адекватное восприятие ситуации и противоположной стороны, порождая ложные образы и иррациональные фобии, агрессивность и дегуманизацию оппонентов. Во-вторых, многие этноконфликты характеризуются как замещенные конфликты, в которых антагонизм интересов направлен на этническую группу, реально не являющуюся участником конфликта, но становящуюся козлом отпущения в столкновении интересов и соображений. В-третьих, отмечаются такие межнациональные конфликты, которые представляют собой конфликты культур, возникающие в результате различного понимания, различного отношения к жизненным реалиям, их толкования. Наконец, в-четвертых, выделяются реальные конфликты интересов, которые возникают между этническими группами из-за неравного доступа различных этносов к ресурсам, неравного распределения объемов и полномочий власти и т. д.²

Цели или источники конфликтов используют как основание для классификации собственно политические типологии конфликтов. Л. Дробижева предложила одну из первых типологий этнополитических конфликтов. Она построена по основным целям и содержанию требований субъектов конфликта, на основе оценки событий конца 1980-х — начала 1990-х гг.³ Данная типология включает следующие типы конфликтов.

1. *Статусные институциональные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость.* В этих конфликтах непременно присутствует этнический фактор и мобилизация идет по этническому принципу. Так, национальные движения в Прибалтике, Армении, Украине, Грузии, Молдове с самого начала выдвигали требования реализации этнонациональных интересов. В процессе развития этих движений каузальная основа конфликтов изменялась и «дрейфовала» от этнонациональных к государственным, но мобилизация по этническому признаку оставалась. Статусными были конфликты в союзных и ав-

¹ *Никовская Л.И., Степанов Е.И.* Формирование конфликтологии этнонациональных отношений // Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / под ред. Е.И. Степанова. М., 1999. С. 224.

² *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Издательство «Дело» АНХ, 2008. С. 114.

³ *Дробижева Л.М.* Этнополитические конфликты: причины и типология (в конце 1980-х — 1990-е гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / под ред. Л. Шевцовой и В. Киселева. М., 1993. С. 15, 240–242.

тономных республиках, автономных областях за повышение политического статуса (например, до уровня конфедеративных отношений, как в случае с Казахстаном или с Абхазией, или до уровня союзной республики в случае с Татарстаном) или его получение путем создания собственных национальных образований (например, ингушей в Чечено-Ингушетии, ногайцев, лезгин в Дагестане, балкарцев в Кабардино-Балкарии)¹.

2. *Этнотерриториальные конфликты*, как правило, самые трудные для урегулирования. На территории бывшего СССР на период 1992 г. было зафиксировано около 200 этнотерриториальных споров. По мнению В.Н.Стрелецкого², одного из разработчиков банка данных этнотерриториальных притязаний, в геопространстве бывшего СССР к 1996 году сохраняли актуальность 140 территориальных притязаний. При этом особый подтип этнических противоборств представляют собой конфликты, связанные с репрессированными народами. Одни из них были связаны с восстановлением территориальной автономии (немцы Поволжья, крымские татары), в отношении других стоял вопрос о правовой, социальной, культурной реабилитации (греки, корейцы и др.), о возвращении на территорию прежнего проживания (месхетинцы).

3. *Межгрупповые (межобщинные) конфликты*, к которым относятся, например, конфликты, подобные тем, что были в Якутии (1986), Туве (1990), а также русско-эстонский, русско-латышский и русско-молдавский³.

Еще одна политологическая классификация национальных (этнополитических) конфликтов была предложена А. Соловьевым. Ее основа — учет типов конфликтующих субъектов и типов противоречий, лежащих в основе причин таких конфликтов:

1) *конфликты между национальными (этническими группами)* в полиэтничных государствах, возникающие на основе различий во владении теми или иными социальными ресурсами;

¹ Дробижеева Л.М. Этнополитические конфликты: причины и типология (в конце 1980-х — 1990-е гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / под ред. Л. Шевцовой, В. Киселева. М., 1993. С. 15, 240–242.

² Стрелецкий В.Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М., 1997. С. 226.

³ Дробижеева Л.М. Этнополитические конфликты: причины и типология (в конце 1980-х — 1990-е гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / под ред. Л. Шевцовой, В. Киселева. М., 1993. С. 15, 240–242.

2) *конфликты между национальным большинством и меньшинством*, причинами которых в немалой степени служат факторы естественности-исторического характера, заселенность определенных территорий, тесная связь отдельных групп с теми или иными видами хозяйственной деятельности, процессы ассимиляции и миграции отдельных наций, эволюция административно-территориальной организации государства, а также сокращение его реальных возможностей;

3) *конфликты в результате идентификации* этнических меньшинств с родственной общностью, проживающей в соседних странах (например, турок в Болгарии, венгров в Румынии, русских в Молдове и др.), причем примерно такие же противоречия возникают вследствие формирования этнических анклавов, складывающихся в результате этнической миграции из соседних государств, а также воссоединения ранее раздробленных этносов и восстановления прав репрессированных народов;

4) *межнациональные конфликты*, возникающие на почве наиболее политически значимых противоречий между *государством* (центральной бюрократией) и *национальной группой* в связи с систематическим ущемлением прав последней;

5) конфликты *между титульной* (коренной, дающей официальное название государству) и *нетитульной* (некоренной) *нациями*, выражающиеся в том числе в ограничении представителей последней в возможности вероисповедания, обучения на родном языке, установлении чрезмерных требований к освоению государственного языка, дискриминации по национальному признаку в сфере здравоохранения, образования, профессионального кадрового роста и т. д.;

6) так называемые *межэтнические конфликты*, источники напряженности которых лежат, как правило, в эмоционально-чувственной сфере, органически подкрепляясь влиянием бытовых традиций, оценками и суждениями, некритически воспринятыми еще в процессе ранней социализации, подсознательными, в том числе религиозными, стереотипами и стандартами, выражающими трудноизменяемое некомплементарное отношение к людям другой национальности¹.

Следует заметить, что все приведенные выше типологии не являются, строго говоря, типологиями этнополитического конфликта в узком смысле, а представляют собой типологии более широких по содержанию этнических или этнонациональных конфликтов. Исходя из

¹ Соловьев А.И. Политическая теория и политические технологии. М., 2003. С. 178–179.

предложенного А.Р. Аклаевым более узкого понимания этнополитического конфликта (как любого столкновения субъектов политики в их стремлении реализовать свои интересы и ценности, связанные с достижением и перераспределением политической власти, определением ее символов, а также группового политического статуса и приоритетов государственной политики, в которых этнические различия становятся принципом политической мобилизации и, по крайней мере, одним из субъектов является этническая группа), предлагается еще одна типология этнополитических конфликтов, построенная по принципу различий в предмете конфликта между типами субъектов. В зависимости от типа конфликтующих сторон предлагается различать этнополитические конфликты между двумя этническими группами, с одной стороны, и этнополитические конфликты между этнической группой и государством — с другой. Кроме того внутри каждого из этих типов можно выделить ряд подтипов (табл. 7)¹.

Таблица 7 — **Классификация этнополитических конфликтов по типу конфликтующих сторон и предмету спора**

Этнополитический конфликт между двумя этническими группами	Этнополитический конфликт между этнической группой и государством
1. Конфликты из-за возможностей и условий доступа групп к политической системе. 2. Конфликты из-за определяемых политической системой экономических возможностей групп. 3. Конфликты из-за политического признания культурного статуса и символов групп.	1. Конфликты этнополитической легитимности (сепаратистский конфликт). 2. Конфликты из-за этносоциального распределения власти.

Среди этнополитических конфликтов между двумя этническими группами можно выделить:

1. *Конфликты по поводу расширения возможностей и условий доступа к политической системе.* Это конфликты из-за равенства прав политического участия этнических групп в связи с предоставлением прав гражданства, изменением избирательных законов, а также конфликты

¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело АНХ, 2008. С. 117.

в связи со степенью представленности групп во властных структурах (например, между немцами и турками в Германии, между гражданами и негражданами в Латвии и Эстонии, между черным большинством и белым меньшинством в ЮАР в период апартеида, между израильянами и палестинцами в Израиле и др.).

2. *Конфликты по поводу экономических возможностей групп, определяемых политической системой.* Это конфликты из-за доли общенациональных ресурсов, выделяемой этническим группам из государственного бюджета, и из-за предоставляемых государством экономических возможностей. Они присутствуют в любом полиэтническом государстве и наиболее часто бывают связаны с разницей в уровне социальной мобильности этнических групп, с особенностями региональной политики государства, с ресурсными обеспечением публичной политики интеграции и мультикультурализма.

3. *Конфликты политического признания культурного статуса и символов групп.* Это конфликты из-за признания государством равноправия или приоритета культурных статусов или символов этнических групп. Часто они проявляются как конфликты по вопросам официального статуса языков, конфессий, государственных праздников и другим культурным и символическим аспектам¹.

Среди этнополитических конфликтов между этнической группой и государством А.Р. Аклаев выделяет два подтипа:

1. *Конфликты этнополитической легитимности* — это конфликты, в которых предметом спора является идентичность территориального государства и признанием его суверенитета этнической группой (сецессионные конфликты, например, конфликт по вопросу о суверенитете между союзными республиками и союзным центром в период распада СССР в начале 1990-х гг., самым острым из которых был конфликт между Россией и СССР; ирредентистские конфликты за воссоединение с этническими родственниками, например, проблема Северной Ирландии, Южного Тироля после 1918 года, карабахский конфликт и др.).

2. *Конфликты территориального распределения власти*, предметом спора в которых являются практики распределения власти и компетенции управления между центральным правительством и различающимися этническим своеобразием территориями (например, этнорегиональные автономистские конфликты в странах Западной Европы

¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело АНХ, 2008. С. 117.

в 1970-е гг., конфликты о разделении предметов ведения в Российской Федерации в 1990-е гг.)¹.

В настоящее время существует огромное количество описаний понятия «этнополитического конфликта» в социологии, политологии, конфликтологии, этнологии. До сих пор идут споры относительно смыслового наполнения этого понятия. Нами была предпринята попытка разделить понятия «этнополитический конфликт» и «межэтнический конфликт», а также «этнополитический конфликт» и «политический конфликт».

В ходе изучения источников нами был проведен и подробно описан анализ структуры этнополитического конфликта. А также отображены наиболее актуальные, на наш взгляд классификации этнополитических конфликтов.

1.3. Модели регулирования этнополитических конфликтов

Управление и регулирование — наиболее общие понятия, которые охватывают всю гамму позитивной работы по ограничению и сдерживанию конфликта. По объему понятие «регулирование конфликта» шире, чем понятие «управление»².

По мнению А.В. Глуховой, регулирование конфликтов представляет собой определенный способ воздействия на конфликтующие стороны с тем, чтобы устранить в рамках существующей политики (включая нормы, сложившиеся традиции и т. д.) противоречия. Однако это не просто смягчение насильственных форм, а деструктивизация конфликта. Регулирование предполагает использование созидательного потенциала последнего, обращение на пользу общественному развитию содержащихся в конфликте динамических импульсов³.

В англоязычной литературе термин «регулирование конфликта» рассматривается в различных вариациях.

Так, *conflict regulation* (регулирование конфликта) — это действие на макрополитическом уровне в рамках политической системы, кон-

¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело АНХ, 2008. С. 116–118.

² Там же. С. 322.

³ Глухова А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ). М.: ЛИБРКОМ, 2010. С. 203.

кретных институтов, процедур и практик для управления сходных конфликтных ситуаций. Поэтому данный вид регулирования подходит к различным формам конфликтов.

Conflict prevention (предупреждение конфликта) включает в себя все, что связано с предотвращением, предупреждением насильственных (деструктивных) выражений конфликта.

Conflict management (управление конфликтом) — это специальное влияние на структуру, стороны и другие компоненты конфликта. Оно предполагает сознательное изменение протекания и последствий этого конфликта.

Conflict mitigation (смягчение конфликта) — это одна из форм регулирования конфликта, в которую входят контроль, менеджмент, фасилитация, консилиация, кроме предотвращения и предупреждения конфликта.

Conflict control (контроль над конфликтом) — это либо ограничение возникновения (эскалации) конфликта, либо форсирование окончания конфликта.

Научная литература описывает различные методы и формы регулирования конфликтов. Мы рассмотрим три модели регулирования, которые, на наш взгляд вмещают в себе все разнообразие существующих форм регулирования: *макрополитическое регулирование; восстановительное регулирование; превентивное регулирование.*

Макрополитическое регулирование. Д. Мак-Гарри и Б.О. Лиэри¹ считают, что принято выделять две основные стратегии регулирования этнополитического конфликта, определяемые долгосрочными целями и принципами, которыми правительство руководствуется в своей деятельности.

Во-первых, это *стратегия деплорализации*, основанная на устранении и/или *деполитизации* этнических различий.

Во-вторых, это *стратегии, основанные на управлении сохраняющимися этническими различиями.* При реализации этих стратегий используются различные способы и методы применения, а именно: насильственные, принудительные, консенсусные, а также (по отношению к признаку территориальности) территориальные и атерриториальные.

Стратегия деполитизации этнических различий предполагает внутри себя следующие методы.

¹ McGarry J., O Leary B. The Politics of Ethnic Conflict regulation. L.: Routledge, 1993. P. 12.

1) Насильственные методы (геноцид, этнические депортации).

Геноцид — (от греч. γένος — род, племя и лат. *caedo* — убиваю) — термин, обозначающий одно из наиболее серьезных нарушений международного гуманитарного права. Согласно ст. II Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

а) убийство членов такой группы;

б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

в) преднамеренное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое ее уничтожение;

г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;

д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую. Состав преступления геноцида включен в сферу предметной юрисдикции Международного уголовного суда, Международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, а также ряда смешанных органов международного уголовного правосудия. Во внутреннем законодательстве государства может даваться иное определение геноцида (без ущерба, разумеется, для соблюдения положений Конвенции, если это государство в ней участвует). Например, в Декрете-законе № 1 Народно-революционного совета Кампучии от 15 июля 1979 г. как геноцид рассматривается запланированное массовое убийство невинных людей, насильственная эвакуация населения из городов и деревень, концентрация населения и принуждение их работать в физически и морально истощающих условиях, запрещение вероисповедания, разрушение экономических и культурных структур и социальных отношений. В УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за геноцид как за преступление против мира и безопасности человечества¹.

Этнические депортации — насильственные массовые территориальные переселения этнических групп. Превосходящая по силе одна этническая группа вынуждает физически покинуть родную землю более слабую этническую группу. Например, крымские татары, чеченцы, турки-месхетинцы.

¹ Словарь международного права / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.

2) Принудительный метод (искусственно стимулируемая ассимиляция).

Искусственно стимулируемая ассимиляция отличается от естественной тем, что регулируется политическими методами вопреки истории, культуре и традициям естественного проживания. Таким образом (методом искусственной ассимиляции) государство пытается разрешить этнические противоречия путем стирания, слияния, сплавления этнических различий.

3) Консенсусные методы (интеграция и политика мультикультурализма).

Интеграция в отличие от искусственной ассимиляции не устраняет этнические различия, но деполитизирует их. Основа этого метода — интегрировать различные этнические группы на основе общей гражданской идентичности в единое государство.

Интеграция предполагает два вида — либеральную и мультикультуралистскую. Либеральная интеграция — это развитие и защита прав индивидов, которые принадлежат к различным этническим и конфессиональным группам. Мультикультуралистская интеграция ориентируется на развитие и защиту коллективных прав и интересов меньшинств (этнических, межконфессиональных).

4) Территориальные методы (разделение государства — сецессия).

Сецессия имеет место, когда часть или части территории государства отделяются и образуют одно или несколько государств. Метод сецессии в рамках урегулирования этнополитического конфликта предполагает выделение из государства территории, населенной небольшим этническим меньшинством.

Стратегия управления сохраняющимися этническими различиями включает следующие методы.

1) Принудительный метод (этническое доминирование).

Суть метода этнического доминирования — это принудительное доминирование этнического большинства и контроль этим большинством государственных структур (МВД, правительство, силовики, СМИ).

2) Консенсусный (консоциация, арбитражное, медиация, негосударственная, консилиация).

Консоциация предполагает формирование власти в государстве на основе пропорционального представительства этнических групп, являющихся частью политического общества. Основная задача консоциации — обеспечение права, свободы и, главное, идентичности всех этнических групп в государстве.

Арбитражное, медиация, негоциация, консилиация — это альтернативные виды разрешения конфликтов (*Alternative dispute resolution*), которые будут подробно рассмотрены в п. 2.2.

1) Территориальный метод (региональная автономия в унитарном государстве, федерализм, кантонизация).

Региональная автономия в унитарном государстве — это такая форма управления территориями в унитарных государствах, при которой крупные регионы пользуются широкой автономией и собственными политико-административными управленческими структурами (собственный парламент, правительство). Они могут иметь право решать переданные им от центральных органов вопросы в области коммунального хозяйства, образования, общественного порядка.

Федерализм — это форма территориального устройства, когда на основе конституции власть поделена между центром и регионами. С институциональной точки зрения федерализм — это устойчивый союз государства с распределенными между центром и регионами компетенциями. При федерализме регионы имеют собственные законодательные, исполнительные и судебные органы.

Кантонизация — территориальный метод регулирования этнополитического конфликта, при котором, в отличие от федерализма, власть передается от центра местному самоуправлению. Как правило, кантоны являются этнически гомогенными единицами.

Перейдем к описанию *модели восстановительного регулирования этнических конфликтов (conflict transformation)*, или миротворчеству. Восстановительное регулирование предполагает три стратегии.

2) Мироподдержание (*peace keeping*) — это введение с согласия конфликтующих сторон в зону конфликта вооруженных сил (миротворческих сил) третьей стороны с тем, чтобы разделить вооруженные силы воюющих. Как правило, миротворческие силы представлены международными организациями. Они также выполняют роль мониторинга (специальные наблюдатели), военное и полицейское патрулирование, осуществляют гуманитарный контроль. В состав мироподдержания входит миропринуждение (*peace enforcement*), что предполагает импозицию (то есть навязывание), улаживание конфликта третьей стороной без согласия воюющих.

3) Мирозаключение (*peace making*) — это форма регулирования вооруженного конфликта, при которой на конфликтующие стороны оказывает воздействие третья сторона для того, чтобы они достигли соглашения о мире.

4) Миростроительство (*piece bilding*) — термин, объединяющий виды деятельности, связанные с поддержанием и упрочением отношений мира и предотвращением рецидивов насилия. Миростроительство — длительный процесс, цель которого — достижение позитивной трансформации структурных противоречий, улучшения отношений между конфликтующими сторонами и поощрение общего конструктивного изменения отношений между ними.

Модель превентивного регулирования этнополитического конфликта. Превентивная деятельность заключается в определенном воздействии на элементы структуры конфликта (частников, мотивы их поведения, объекты, используемые силы и средства) до того, как возникли его деструктивные проявления¹. Превентивность в политической практике предполагает предупреждение. Следует подчеркнуть, что сам термин «предупреждение» применяется не к конфликту вообще, а лишь к деструктивному конфликту. Нельзя отменить или предотвратить ни социальное развитие, ни неразрывно связанный с ним конфликт. Но можно попытаться предупредить его деструктивные проявления, которые в основном связаны с насилием, угрожающим жизни, здоровью, имуществу граждан, общественным интересам и ценностям².

Формы превентивной деятельности предполагают легкое и глубокое предупреждение. Легкое предупреждение — это воздействие на конфликт с целью недопущения перехода конфликта к насилию. Это может быть профилактика, так называемые посреднические усилия, включение гражданского общества в качестве наблюдателя. Это предполагает вмешательство в конфликт до момента его становления насильственным.

Глубокое предупреждение конфликта — это работа с первопричинами, глубинными истоками конфликта. В его задачи входит изучение возможных противоречий в разнообразных сферах: политической, экономической, социальной.

Субъектами превентивной деятельности могут выступать на международном уровне следующие институты предупреждения насильственных конфликтов: ООН (как Совет Безопасности, так и Генеральная Ассамблея ООН). На региональном уровне — ШОС, ОБСЕ, Совет Европы, ОДКБ. На транснациональном уровне — международные не-

¹ Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие. М.: Дело АНХ, 2008. С. 406.

² Там же.

правительственные организации (НПО) — «Врачи без границ», «Журналисты без границ», «Общество Красного креста».

На государственном уровне в качестве институтов предупреждения насильственных конфликтов выступают как центральные (федеральные) органы власти, так и региональные (субъекты федерации) и органы местного самоуправления. В том числе субъектами превентивной деятельности на национальном уровне могут выступить следующие институты гражданского общества: СМИ, НПО и другие гражданские инициативы. Методы и формы регулирования этнополитических конфликтов будут рассмотрены в п. 2.2.

Выводы:

– В настоящее время существует огромное количество описаний понятия «этнополитического конфликта» в социологии, политологии, конфликтологии, этнологии. До сих пор идут споры относительно смыслового наполнения этого понятия. Нами была предпринята попытка разделить понятия «этнополитический конфликт» и «межэтнический конфликт», а также «этнополитический конфликт» и «политический конфликт».

– В ходе изучения источников нами был проведен и подробно описан анализ структуры этнополитического конфликта. А также отобраны наиболее актуальные, на наш взгляд классификации этнополитических конфликтов.

– Нами были отобраны и описаны общемировые модели регулирования этнополитических конфликтов с подробным рассмотрением зарубежной и отечественной практики. На основе анализа накопленного и описанного в литературе опыта мы выработали рекомендации, которые возможно использовать в практике регулирования конфликтов на территории России.

– В ходе изучения источников был проведен и подробно описан анализ структуры этнополитического конфликта, а также отобраны наиболее актуальные, на наш взгляд, классификации этнополитических конфликтов.

Глава 2

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ: АНАЛИЗ И РЕГУЛИРОВАНИЕ

2.1. Особенности этнополитической ситуации в Российской Федерации

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, на территории России проживают представители 193 национальностей. Большинство народов России на протяжении веков формировались на территории современного Российского государства и внесли свой вклад в развитие российской государственности и культуры.

Культурное и языковое многообразие народов России защищено государством.

В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов:

- 89 языков используются в государственной системе образования,
- 30 из них — в качестве языка обучения,
- 59 — в качестве предмета изучения.

Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру.

Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций

проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации.

Исторически сложился довольно противоречивый политический статус этносов в структуре государственно-административного устройства страны, главные принципы которого были заложены еще в 1920–1930-е гг. и не подвергались с тех пор сколько-нибудь принципиальной коррекции.

Из 85 административных единиц России (ныне субъектов Федерации), имеющих шестичленную типологию (край, область, республика, автономный округ, город федерального значения), 32 принадлежат к национально-административным единицам и охватывают 53% территории страны. В их числе: 22 республики (Адыгея, Алтай, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Карелия, Коми, Республика Крым, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия), одна Еврейская автономная область и несколько автономных округов.

По традиции, идущей от первой советской Конституции (1924), в названии всех национально-административных единиц закреплено имя так называемого титульного народа (исключение составляет Дагестан – буквально «Страна Гор», где титульными считаются 10 наиболее крупных этносов).

С точки зрения этногенеза коренные российские этносы принадлежат:

- к различным расовым и этническим группам (индоевропейской, уральской, алтайской, чукотско-камчатской, эскимосско-алеутской и некоторым другим);

- к нескольким большим языковым семьям (индоевропейской, финно-угорской, тюркской, кавказской, палеоазиатской и др.);

- к различным религиозным и культурным зонам и традициям (христианской, мусульманской, буддийско-ламаистской, локальным шаманским культам).

Большая часть исследователей, отмечая поражающее воображение неравенство российских этносов, все же отстаивает принцип асимметрии для взаимодействия субъектов Федерации, называет три причины, обуславливающие его.

1. Субъекты Федерации серьезно различаются экономическими возможностями. Анализ состояния экономики за последние годы по-

казывает, что только свыше десятка субъектов пополняли российский бюджет, а остальные потребляли то, что дали другие — «богатые» субъекты Федерации. Это в известной степени оправдано: не все регионы обладают природными ресурсами, не все имеют такую мощную промышленную базу, как Московский и Уральский регионы, не все производят продукцию, конкурентоспособную внутри страны и за рубежом.

Но в таком случае возникает вопрос: насколько экономически целесообразно сохранять, поддерживать дотационные регионы? Очевидно, что подход ко многим северокавказским республикам или к Татарстану и Башкортостану должен быть разным.

2. Асимметричность отношений Центр — регион заметно обусловлена этническим фактором: в составе Российской Федерации национально-государственные и национально-территориальные образования наделены статусом полномочного субъекта Федерации, но сами они далеко не однородны. Только в пяти из них титульное население превышает численность людей других национальностей. В большинстве же национальных территорий ведущим по численности народом выступают русские. Причем разница настолько значительная, что данные территории сходны с теми регионами, которые считаются русскими. Так, Республика Хакасия с 10–11% хакасского населения мало отличается от Оренбургской, Ульяновской, Самарской, Кировской областей, в которых примерно такую же долю населения составляют татары, башкиры, мордва, удмурты и др.

3. Необходимость асимметричного устройства обусловлена серьезными социально-культурными различиями, степенью квалификации и образованности населения, насыщенностью территории учреждениями образования и культуры.

В данном контексте возникает ряд вопросов. Что же произошло с российским многонациональным обществом за двадцать три года? Почему в условиях, когда реальная опасность сепаратизма и сецессии начала 1990-х гг. миновала и этнополитические вызовы недавнего времени стали историей, актуализация этнического самосознания у многих возросла до опасного уровня, а угроза ксенофобии и национального экстремизма не ослабела? Почему, изживая одни конфликты и вызовы в этнической сфере, страна перманентно сталкивается с новыми социальными болезнями?

Необходимо обратиться к нашему недавнему прошлому и оценить как позитивные, так и негативные изменения, произошедшие в постсоветской России в национально-государственной сфере.

Сегодня весьма популярна критика российских реформ. Это необъективно хотя бы потому, что именно в данный период в науке появилась возможность анализа этнических вопросов исходя из разных концепций, понятий, категорий.

В России, как и во всех развитых демократических странах, для интерпретации социальной реальности используются не только примордиализм (доминировавший в советской науке под именем марксизма), но и конструктивизм, инструментализм, полипарадигмальные подходы. Важно, что сама категория «этничность» стала интерпретироваться как изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю (возможность деконструкции), используемое в разных контекстах (этническая идентичность, этноцентризм и т. д.), соотносимое с российской гражданской идентичностью. Все это говорит о необходимости напомнить о неоспоримых позитивных результатах, достигнутых в сфере этнополитического переустройства в период «демократического транзита».

В первую очередь, стоит подчеркнуть, что демократизация общественно-политической жизни на постсоветском пространстве **позволила избежать югославского варианта развития событий в процессе распада Союза**. Как известно, конфликтологи, изучавшие эскалацию межэтнической напряженности в мире, признают, что наиболее часто она происходит, включая насильственные формы, в переходных обществах: их старые институты перестают работать, а новые только формируются и не пользуются доверием. Согласования интересов центральных и региональных властей, этнических групп затруднены. Возможности для этнополитической мобилизации высоки, ожидания модернизирующихся этнических групп, как правило, завышены, недовольство коллективным статусом, объемом используемых ресурсов, участием в решениях власти декларируется элитами, а государство ослаблено — институциональные механизмы «пробуксовывают», материальные ресурсы недостаточны¹.

Между тем выход из ста двадцати конфликтных ситуаций с этническим подтекстом на постсоветском пространстве, в которые была вовлечена Россия (конфликт с Грузией по поводу бывших ее автономий; ситуация вокруг Крыма и Приднестровья; межтаджикский конфликт и т. д.), благодаря демократизации в нашей стране происходил при всех издержках преимущественно посредством переговорных процессов.

¹ Gurr T. Minorities as Risk: a Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington (D.C.), 1995.

Аналогичным образом в актив молодой российской демократии можно занести то, что во взрывоопасном Северокавказском регионе (за исключением военных действий в Чеченской республике и кратковременного вооруженного столкновения в Северной Осетии) были мирным путем урегулированы открытые формы конфронтации, начавшиеся в связи с попытками перекроить административно-территориальное деление, сложившееся в советское время. Достаточно в этой связи указать на столкновения между балкарским общественным движением и прокабардинскими властными структурами в Кабардино-Балкарии; между властями Дагестана и рядом тамошних национальных движений: «Садвалом», выступавшим за создание «Республики Лезгистан» в составе РФ. В нее предполагалось включить не только часть территории южного Дагестана, но и ставшего независимым северный Азербайджан; «Бирликом», ратовавшим за Ногайскую территориальную автономию. В пределах этой автономии ногайцы претендовали на заселенные ими районы в Дагестане, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и в Чеченской республике. «Тенгликом», аккумулировавшим аналогичные притязания кумыков и др. Исключительно с помощью переговоров были приостановлены конфликты в Карачаево-Черкесии, возникшие в связи с провозглашением отдельных Карачаевской, Черкесской, Абазинской и Казачьей-Урупско-Зеленчукской и Батайпашинской республик.

Другой важный итог эпохи демократических преобразований — *закладывание в России основ реального федерализма*. Естественно, федеративное устройство государства — не единственный атрибут и гарант демократии, но очевидно и то, что демократические унитарные государства со сложным этническим составом населения все чаще используют реальные элементы федерализма.

Конечно, формирование правовых институтов в западных демократиях происходило в других историко-политических и экономических условиях, нежели в современной России. Но используемые ими процедуры и приемы предупреждения насильственных конфликтов, открывшие дополнительные возможности развития регионов, оказались для нашей страны полезными. Так что, говоря об истекшем двадцатилетнем периоде отечественной истории, нельзя не видеть накопленного позитивного опыта решения сложных вопросов отношений Центра и регионов с учетом не только политических, но и социально-психологических и этнических реалий.

Это существенно с учетом того обстоятельства, что в наследство от советского периода Российской Федерации досталась многоуровневая, иерархически выстроенная, во многом номинальная федеративная организация политического пространства, особенно, когда речь шла об автономных республиках. Начало процесса демократизации их элиты и политически активная часть населения восприняли не столько как шанс выстроить реальные федеративные отношения с Москвой, сколько как возможность избавиться от ее контроля. Для руководства российских автономий, особенно располагавших природными и социальными ресурсами, стало примером использование инструментов демократии в условиях слабой центральной власти бывшими союзными республиками. Парламенты автономных республик провозгласили Декларации о суверенитете, а затем некоторые из них приняли конституции, по ряду позиций расходившиеся с федеральной Конституцией. В этой ситуации приостановка этнически манифестируемых дезинтеграционных процессов была достигнута с помощью использования компромиссных по своей сути процедур реального федерализма.

Так, в 1992 году был подписан Федеративный договор со всеми субъектами Федерации, кроме Татарстана и Чеченской республики. В адрес этого документа высказывалось много критики. Но в результате мы стали жить в другой, более демократической стране: федеративные отношения распространились не только на этнически территории, но и великорусские края, области. Таким образом, во многом «гасилась» политизация этничности: ведь раньше участниками федеративных отношений были исключительно национальные республики. Теперь же их называют таковыми лишь в силу традиций: в новом доктринальном пространстве они — субъекты Российской Федерации, поскольку Федеративный договор повышал статус всех территориальных образований. Для такой большой страны, как Россия с ее чрезмерным уровнем централизации в советское время и имперским прошлым, это было важно, поскольку способствовало демократизации и выступало некой психологической компенсацией стресса, который приходилось преодолевать российским гражданам после распада СССР. Страна стала меньше, но прочность объединения субъектов Федерации, основанная на добровольном подписании Федеративного договора, напротив, повысилась. Вариант подобной политики — система двусторонних договоров «федеральный Центр-субъект Федерации». Она возникла в 1994 году, когда соответствующее соглашение было заключено между Правительством Российской Фе-

дерации и Правительством Татарстана¹. Правда, если в республиках в составе Российской Федерации такая асимметричная модель федерализма рассматривалась как проявление демократии при решении этнополитических проблем, то в Центре немало специалистов и политиков изначально видели в ней дополнительный источник сепаратизма². И не случайно данная практика критиковалась и критикуется как, якобы, нарушавшая положения Конституции Российской Федерации, а в конце первого президентского срока Путина часть договоров с субъектами Федерации (в основном великорусскими) была денонсирована. Тут, однако, уместно вспомнить следующее.

Во-первых, двусторонние договоры не только напрямую не противоречат Основному закону, но в известной мере вытекают из его положений.

Во-вторых, соглашения между центральным правительством и правительствами республик, конституции которых содержали положения, не согласующиеся с Конституцией Российской Федерации, были результатом компромисса в определенных историко-политических условиях.

В-третьих, в середине 1990-х гг. именно рассматриваемые меры дали возможность избежать повторения чеченского варианта развития событий в других этнических образованиях. Ведь элементы сепаратизма и дезинтеграции в большей мере порождались непоследовательностью действий и борьбой политических сил в самом Центре, нежели акциями в субъектах Федерации. Вспомним период конфронтации президента Ельцина и Верховного Совета Российской Федерации: именно тогда, с конца 1991 по конец 1993 г., в наибольшей мере проявлялись сепаратистские тенденции не только в национальных республиках, но и в собственно русских краях и областях. А вот после 1994 года, за исключением Чечни, реальная опасность сепаратизма перестала существовать, хотя процессы дезинтеграции экономического и правового пространства продолжались.

В конечном же счете итоги дискуссий вокруг целесообразности асимметричной федерации и заключения двусторонних договоров

¹ В период президентства Б. Ельцина договоры о разграничении полномочий с федеральным центром заключили 11 республик в составе России, 35 великорусских краев и областей — всего 45 из 89 субъектов Федерации. К августу 2002 г. 39 из них добровольно денонсировали договоры с Москвой, а 7 (Башкирия, Татария, Удмуртия, Якутия, Свердловская и Брянская области и город Москва) не стали отказываться от этой формы регламентирования отношений с Центром.

² *Аришин А.Н.* Проблемы развития российской государственности в конце XX в. // *Федерализм власти и власть федерализма.* М., 1997.

подводятся социальной практикой. Даже рьяные сторонники деконструкции договорных отношений вынуждены были считаться с ситуацией в Чечне, и более чем трехлетние дебаты по этому поводу завершились в 2003 г. подписанием договора федерального Центра с Чеченской республикой. Таким образом, процедурные нормы, созданные в начале демократического транзита, оказались полезными и в период президентства Путина. Это показывает, что федерализм не может быть застывшей формой государственного устройства, напротив, он — динамичная система, которая дает способы и методы решения вопросов политической повестки дня.

В современном мире общепринятым является определение межнациональных (*international*) отношений как межгосударственных, в то время как отношения между представителями разных национальностей определяются как межэтнические. Также общепринятым является определение нации как народа, т. е. совокупности людей, ощущающих и осознающих себя согражданами, которых объединяет не этническое родство, а общественно-политические интересы (чувство государственности). В Советском Союзе и в настоящее время в России между тем под «национальными отношениями» понимаются межэтнические, а «национальная политика» определяется не как политика обеспечения государственных интересов, а как политика в отношении национальностей, или этническая политика¹. Так называемый этносоциализм в свое время составил основу общественной теории и практики государственного строительства.

«Советский режим и его обществоведы изобрели понятия «социалистического федерализма» и «национальной (этнической) государственности»². Такое изобретение основывалось на сталинском, ставшем классическим определении «нации»: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникающая на базе общности территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры». Согласно этому определению только совокупность всех указанных признаков позволяла выявить нацию. И оно же предопределило территориальное деление Советского госу-

¹ См.: *Тишков В.А.* Этнология и политика. Статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 28. Такое понимание находит подтверждение и в недавно утвержденной Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации № 1666 от 19.12.2012).

² *Тишков В.А.* Этнология и политика. Статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 25–40.

дарства, в основу которого был заложен национальный принцип: нации приобретают высшую форму государственности — союзную республику, народности — автономную республику, государственное образование более низкого уровня; а этнические общности — национальные (автономные) округа и области, т. е. административно-территориальные единиц¹. Таким образом, этносоциализм ранжировал все национальности на «высшие», «средние», «низшие», взяв за основу, по существу, лишь количественные показатели и не приняв во внимание то, что и «народности», и «этнические общности» обладали теми же признаками, что и «нации»: общностью территории, экономики, культуры. Укоренившиеся представления о нации как об этносе: «нация — это совокупность людей, ощущающих и осознающих этническое родство»² — до сих пор весьма негативно влияют на гармонизацию общественных отношений. К сожалению, современное российское общество сложно определить как единую нацию³, как сложно определить и Российское государство как нацию-государство⁴. По справедливому замечанию В.А. Тишкова, «идея наций (этносов), национально-государственного устройства, видимо, еще долго останется действующей в рамках полиэтнических обществ, пока не будет достигнуто такое материальное благосостояние и такой политический строй, которые позволят без истерики делиться властью и ресурсами с «иноязычными»⁵.

Поэтому одной из основных задач Российского государства в этой сфере, на наш взгляд, должно стать формирование нового представления о нации как сообществе граждан одновременно с усилением пропаганды духовно-нравственных ценностей, аналогичных принципам интернационализма, дружбы народов и т. п., которые, несмотря на их определенную декларативность, достигали своих целей и оправдывали свое предназначение.

Сохраняющийся до сих пор, при выравнивании статусов всех субъектов Федерации, национальный подход к федеративному устройству

¹ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. *Опыты федерализма*. М., 1994. С. 237.

² Там же.

³ В отличие от советского периода образца 1970-х гг., когда официально (впрочем, и неофициально) считалось, что появилась новая историческая общность людей — советский народ.

⁴ Процесс становления нации-государства подробно проанализирован в трудах Р.Г. Абдулатипова, Л.Ф. Болтенковой, В.А. Тишкова и др.

⁵ Тишков В.А. *Этнология и политика*. Статьи 1989–2004 гг. 2-е изд., доп. М., 2005. С. 30.

России вызывает довольно бурные споры в научной среде. В своих исследованиях ученые ищут ответ на вопрос: есть ли необходимость в учете национального фактора при строительстве федеративного государства. Кроме того, нет однозначного ответа и на другой вопрос: является ли федерализм решением национального вопроса. Разброс мнений по этим вопросам чрезвычайно широк, так же как крайне неоднозначны и ответы на них.

Ряд ученых (Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова, В.Е. Чиркин и др.) полагают, что национальный фактор неразрывно связан с федерализмом: чем сложнее по этническому составу населена страна, тем более необходим ей федерализм, ибо при этом сочетаются право на самоопределение и единство, целостность государств¹; национально-территориальный подход соответствует принципу международного права — принципу права народов на самоопределение².

Другие исследователи (М.В. Глигич-Золотарева, Э.В. Тадевосян, Н.М. Добрынин) считают, что национальный подход к формированию федеративного государства был изначально ошибочным, поскольку государство должно выполнять свои функции независимо от национальных особенностей составляющих его частей, в то время как национальные интересы должны учитываться исключительно в рамках национально-культурной автономии. По их мнению, понятие «общенародной» федерации, состоящей из национально-территориальных образований, изначально конфликтогенно и ведет в тупик³; национально-государственное строительство в СССР, объединенное с классовым и партийным строительством, представляет собой беспрецедентный эксперимент, породивший множество проблем⁴; национальный принцип в федеративных институтах является характеристикой тоталитарной политической системы с ее поглощением общества государственными институтами⁵.

¹ См.: *Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф.* Указ. соч. С. 236. Вместе с тем они же считают, что советская этнонациональная федерация была «псевдофедерацией национальных государств». См.: там же. С. 1.

² *Чиркин В.Е.* Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8–9. С. 155.

³ *Тадевосян Э.В.* Российский федерализм и современные национально-государственные институты // Государство и право. 1996. № 10. С. 5.

⁴ *Глигич-Золотарева М.В.* Правовые основы федерализма. М., 2006. С. 162–168.

⁵ *Добрынин Н.М.* Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации. Новосибирск, 2003. С. 96.

Рецепты исправления такого «ошибочного» подхода довольно разнообразны. Однако нередко благие устремления отличаются радикализмом и не учитывают множества факторов, влияющих на современную общественно-политическую, в том числе и межнациональную, ситуацию в стране. Так, исходя из представлений о том, что национальный подход к построению федерации вкупе с идеей о праве наций (народов) на самоопределение с неизбежностью ведет к сепаратистским тенденциям, некоторые авторы предлагают «деэтнизацию» всего государственного устройства. По мнению А.А. Муравьева, деэтнизация должна стать неотъемлемой частью политики федерализма. В деэтнизации прежде всего нуждается утверждение понимания государственности (республик) как формы самоопределения титульной нации¹. Н.М. Добрынин полагает, что необходимы новые подходы в государственном устройстве России, отказ при формировании регионов нового типа от национальной составляющей как основного и превалирующего над другими критериями и введение экономического критерия в качестве универсального, с обязательным присутствием в данных субъектах всех возможностей для сохранения и расцвета культуры любой нации². М.В. Глигич-Золотарева сомневается в эффективности этнического принципа построения федеративного государства, приводя пример Индии, Канады, Бельгии, и задается вопросом: «Почему право на создание субъекта федерации принадлежит только определенным этносам...?»³.

Этнонациональный фактор действительно имел решающее значение при образовании как Советского, так и Российского федеративного государства. Вместе с тем в отдельных исследованиях по федерализму он (фактор) несколько гипертрофирован⁴ (специально либо неосознанно). Утверждать, что национальная составляющая является превалирующим критерием, по меньшей мере, ошибочно: к 2014 году из 85 субъектов Федерации к национальным относятся 22 республики, 4 автономных округа и 1 автономная область. К тому же надо иметь в виду, что нали-

¹ *Муравьев А.А.* Развитие государственного устройства Российской Федерации как фактор совершенствования системы регионального управления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2003. С. 133; *Он же.* Развитие системы регионального управления Российским федеративным государством. М.: Оазис-Дизайн, 2007. С. 394, 408.

² *Добрынин Н.М.* Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации. Тюмень, 2004. С. 149.

³ *Глигич-Золотарева М.В.* Правовые основы федерализма. М., 2006. С. 109.

⁴ *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитология. СПб., 2004. С. 205.

чие национальной составляющей обусловлено тем, что, если значительная часть государственной территории России сложилась в результате добровольного самоопределения народов, то некоторые народы вошли в состав России недобровольно¹. Также в состав России вошли народы, имевшие собственную государственность. Так, Кабарда в течение длительного периода имела собственную государственность, которая была признана Россией еще в 1739 году². Тувинская Народная Республика вошла в состав СССР в 1944 году³. Следовательно, национальная государственность некоторых субъектов не является следствием лишь субъективных факторов, она обусловлена объективными историческими предпосылками и является, формой выражения достигнутого ими уровня политического развития. Нельзя ожидать, что коренные народы этих республик откажутся от национальной (этнической) самоидентификации и государственности, которая уже у них была или же была предусмотрена им как реализация их права на самоопределение.

Появление национальной идеи, идеи превосходства либо особого статуса одного этноса всегда имеет производный характер. Экономический фактор, как мерило благополучия либо, наоборот, всегда является подлинной причиной возникновения межнациональной напряженности (конфликта). Такая напряженность может умело раздуваться политическими деятелями для достижения различных целей: от давления на центральные органы власти для достижения льгот и привилегий для своих регионов до удовлетворения собственных политических и материально-экономических амбиций⁴. Тезис В.И. Ленина «политика есть

¹ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. М., 1994. С. 237; *Он же*. Этнополитология. СПб., 2004. С. 101.

² См.: Пихов А.Х. Конституционное развитие Кабардино-Балкарской Республики: дис. ... канд юрид. наук: 12.00.02. Саратов: СГАП, 2005. С. 75; *Он же*. Конституционно-правовое регулирование национальных отношений // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 2. С. 45.

³ О создании суверенной Тувинской Народной Республики – Республики Танну-Тува-улус было провозглашено на Всетувинском учредительном хурале 14 августа 1921 г. Тувинская Народная Республика была принята в состав СССР на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11.10.1944 «О принятии Тувинской Народной Республики в состав СССР» и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.10.1944 «О принятии Тувинской Народной Республики в состав РСФСР на правах автономной области».

⁴ Полянский В.В. Национальный фактор и перспективы развития Российской Федерации // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран / под ред. проф. С.А. Авакьяна. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 36.

концентрированное выражение экономики» в этом контексте актуален и сейчас.

Далее ссылки на зарубежные государства не во всем состоятельны. Например, на сегодняшний день «бельгийская федеративная модель государства доказала возможность эффективного сосуществования двух конфликтующих этнических групп с разными интересами и стремлениями. Несомненно, имеется много «за» и «против» в споре о целесообразности существования федеративной государственной системы, но для Бельгии это был единственный способ выжить как государству»¹: Бельгия была преобразована в федеративное государство с целью решения национального вопроса, возникшего из-за межэтнических разногласий между валлонами и фламандцами в послевоенные годы.

Индию также нельзя назвать этнической федерацией. В Индии проживают 500 народностей и племен, говорящих на 1652 языках и диалектах². Сепаратистские настроения отдельных племен и террористических организаций, находящихся на территориях отдельных штатов (сепаратисты из племени нага из штата Нагаленд, из племени бодо в штате Ассам, террористические организации в штате Джамму и Кашмир и некоторые другие), действительно представляют собой серьезную угрозу для целостности Индии. Однако выводы о том, что эти проблемы вытекают из этнонационального характера ее федеративного построения, вряд ли можно назвать корректными.

Межнациональные отношения обостряются не только в федеративных государствах, основанных на национальном принципе, но и в унитарных (регионалистских) государствах (Великобритания, Франция и др.). Поэтому изначальная конфликтогенность этнических федераций не более чем предположение. Пример распавшихся национальных федераций (ЧССР, СССР, СФРЮ) также недостаточно убедителен, поскольку основной, глубинной причиной их распада являются не межнациональные конфликты, а крах социалистической экономики, ослабление тоталитарного государства, т. е. причины, имеющие политико-экономический характер, но не межнациональные. Межнациональные конфликты являются следствием, а не причиной таких глобальных явлений, как изменение социально-экономической формации, переход от одного политического устройства к другому и т. п.

¹ Ормонбеков Ж. Бельгийская модель федерализма: особенности и перспективы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n9/10/>

² Федерализм: Энциклопедия. М., 2000. С. 220.

Что касается России, то затяжной политический и экономический кризис в 1990-е гг. оказал огромное негативное влияние не только на межнациональные отношения, но и на федеративные отношения в целом. Кризис власти привел к кризису всей системы национально-государственного устройства. Пышным цветом расцвели различного рода явления, имеющие национальную и националистическую окраску: сепаратистские устремления, процессы «суверенизации» и децентрализации, всплеск националистических настроений не только на окраинах, но и в центральных регионах страны. Такие явления с очевидной неизбежностью являются следствием неудовлетворенности людей социально-экономической ситуацией, их недовольством, усиленно подогреваемым появляющимися всегда в таких ситуациях определенными политическими силами. Поэтому, заметим, не национальный принцип в построении федерации порождает проблемы федерализма, а политическая и социально-экономическая нестабильность, помноженная на пробелы в государственном управлении, на неэффективное регулирование различных экономических, социальных и иных общественных отношений¹.

Безусловно, управлять многонациональным государством гораздо сложнее, чем управлять моноэтническим образованием. На обычные управленческие функции накладывается функция решения национального вопроса: совокупности политических, экономических, правовых, социокультурных и других проблем, возникающих в процессе внутригосударственного взаимодействия различных этнических групп². Российский федерализм тем и уникален³, что помимо истинного своего предназначения (организация взаимосвязей между федерацией и составными частями) выполняет и функцию решения национального вопроса. Именно поэтому при совершенствовании государственного управления, при проведении различного рода государственно-строительных реформ, особенно в сфере федеративных отношений, есть необходимость в учете национального фактора. Причем под национальным фактором здесь должна пониматься не столько государственность отдельных народов, так называемых

¹ Глигич-Золотарева М.В., Добрынин Н.М. Системный подход к федеративному устройству России // Федерализм. 2011. № 3. С. 155–168.

² Федерализм: Энциклопедия. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 332.

³ Гумашвили Л.Э. Характерные черты модели российского федерализма в положениях Конституций Российской Федерации и Чеченской Республики // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 51.

«титულных» наций, сколько национальный характер образования этих субъектов Федерации, т. е. их историческое своеобразие. Для этнических общностей (народностей), ставших основой национальной государственности в 1920-е гг., сохранение даже атрибутивной государственности в виде республик (государств) имеет весьма важное значение. В современных условиях национально-государственная основа российского федерализма имеет, прежде всего, важное нравственно-духовное (субъективное) значение, так как «путь к общечеловеческому ведет через развитие национального»¹. Необходимо учитывать, что в настоящее время, когда во всех национальных субъектах России, прежде всего в республиках, проживают представители самых разных национальностей, и в большинстве этих субъектов Федерации не преобладает в количественном отношении какая-нибудь одна этническая общность², национальное название не может означать государственности исключительно тех народов, которые дали имя тому или иному субъекту Федерации. В первой половине XX в. республики действительно стали формой государственности этих народов. Однако в современных условиях республика воспринимается как форма государственности всех народов, проживающих на ее территории³. Это подтверждается закреплением в конституциях республик учредительной власти всего многонационального народа республик⁴. При совершенствовании государственного устройства можно изменять только то и в том направлении, что будет способствовать стабилизации федеративных и национальных отношений, обеспечивать эффективную управляемость государством федеративных и национальных процессов по всей вертикали власти, гарантировать права и свободы человека независимо от национальной принадлежности⁵.

¹ Лукьянова Е.А. Государственность и конституционное законодательство России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02. М., 2003. С. 32.

² За исключением Чеченской Республики и Республики Ингушетия, в которых проживают соответственно 95,3% и 94,1% чеченцев и ингушей. Национальный состав населения по субъектам Российской Федерации. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php.

³ Пихов А.Х. Конституционное развитие Кабардино-Балкарской Республики. С. 71.

⁴ Преамбулы Конституций Кабардино-Балкарии, Республики Саха (Якутия), ст. 3 Конституции Республики Северная Осетия — Алания и т. д.

⁵ Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб., 2004. С. 217.

Надо полагать, что новая «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. позволит сделать значительный и эффективный рывок в этом направлении, поскольку ее реализация возложена совокупно на государственные органы и органы местного самоуправления, институты гражданского общества при комплексном использовании ими политических, правовых, организационных, социально-экономических, информационных и иных мер.

За годы демократических преобразований произошло еще одно важное событие, а именно: законодательное отделение этничности от государственного строительства. В Конституции Российской Федерации 1993 года отсутствуют термины «национально-государственное» и «национально-территориальное» образование.

Более того, в президентском послании Федеральному Собранию 1994 года в доктринальное пространство демократической России было введено понимание категории «нация» как согражданства¹. До этого времени данный термин использовался в этнокультурном значении, поэтому лидеры национальных движений в СССР и в России опирались на «право наций на самоопределение», закрепленное в Конституции СССР 1977 года и трактуемое очень широко — вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

26 мая 2004 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин в ежегодном послании к Федеральному собранию подтвердил свою приверженность к современному подходу, подчеркнув, что есть «все основания говорить о российском народе как о единой нации». Использование упомянутой категории именно в значении согражданства исключительно важно. Это — серьезнейшее, если не сказать кардинальное изменение парадигмы национально-государственных отношений, ведущее к более полной реализации интересов всех этносов, проживающих в нашей стране².

Конечно, определенная историческая преемственность государственно-правовых традиций у нас сохранилась и по принятии Конституции Российской Федерации, что выражается не только и не столько в наименованиях субъектов Федерации, сколько в формировании их и по национально-территориальному (республики, автономные округа), и чисто территориальному (края, области, города федерального значения) принципам. А достаточно широкое распространение тради-

¹ Российская газета. 1994. 25 февр.

² URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2004/05/71501.html>

ции сугубо этнокультурного понимания «нации» во многом обусловило «безбрежное» законотворчество этнотерриториальных субъектов Федерации 1990-х гг. (справедливости ради отмечу, что аналогичный процесс затронул и великорусские регионы). В данном контексте нынешнее укрепление вертикали власти можно рассматривать как способ возвращения частей страны в единое законодательное поле. Не все в этой сфере оптимально, но принципиальное значение подобного социального опыта для государства в целом состоит в том, что локальные правовые различия стали выстраиваться не по линии «республики-области», а по тому, какой позитивный опыт имеется у соответствующей территории.

К позитивным итогам демократического транзита следует отнести также перенесение на уровень субъектов Федерации норм о гарантии основных прав и свобод человека, соответствующих международному праву и обязательствам России¹. В Конституции Республики Татарстан; Республики Саха (Якутия); Республики Башкортостан; Республики Тыва и т. д. вошли положения о запрете разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Эту базовую установку в Якутии дополнили положением, что «государство осуществляет свою деятельность на принципах демократии, социальной справедливости, на основе общечеловеческих и национальных ценностей»².

А в Татарстане — пунктами о «взаимном уважении, добровольном и равноправном сотрудничестве... граждан всех национальностей» и о долге каждого жителя республики «уважать честь и национальное достоинство других граждан». В некоторых республиканских конституциях четко зафиксирован и принцип культурного плюрализма. Например, в Татарстане всем гражданам гарантировано пользование родным языком и обучение на нем в школе. И это — не просто декларация: на русском в республике учились более 90% русских детей. Были созданы чувашские и удмуртские школы. Об уровне преподавания в них свидетельствует тот факт, что учителя из Удмуртии приезжали в соседнюю республику изучать опыт коллег. В свою очередь в Якутии закре-

¹ См.: Всеобщая декларация ООН о правах и свободах человека 1948 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии убеждений и др.

² В данном случае составители документа под термином «национальные» имели в виду ценности «национальностей», то есть этносов, проживающих на территории республики.

плено право русских и других старожилов на сохранение и развитие своей культуры, а также особо оговорены права малочисленных аборигенных народов «на владение и пользование родовыми сельскохозяйственными охотничье-рыболовецкими угодьями... на защиту от любой формы насильственной ассимиляции и этноцида... посягательства на этническую самобытность».

Принципиальное значение для самочувствия людей разных национальностей в республиках имеет отказ от идеи приоритета титульного этноса в республиканских конституциях. Так, в цитированной конституции Саха-Якутии говорится: «Носителем суверенитета и источником государственной власти в республике является ее народ, состоящий из граждан республики всех национальностей». Аналогичным образом в конституции Татарстана записано, что эта республика — «суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики».

Имеются и обратные примеры. В основных законах ряда республик в составе Российской Федерации был закреплён приоритет титульного этноса. В Конституции Башкортостана записано, что «республика... образована в результате права башкирской нации на самоопределение». В Конституции Коми присутствует положение: «Коми народ — источник государственности Республики Коми. Политика государства направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизненного уклада коми народа». В Конституции Тувы говорится, что «порядок приобретения гражданства определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации».

Еще одним важным шагом стало «разгосударствление» национально-культурного самоопределения граждан из числа этнических меньшинств, не имеющих своих административных образований. В результате принятия в 1996 году законов «О национально-культурной автономии» (НКА), «О коренных малочисленных народах», а также «Концепции государственной национальной политики» в институциональное пространство включились не только титульные народы соответствующих территорий, как это было в советское время, но и этносы, не имевшие автономии, и диаспоры.

Осуществлялось это через сеть возникших этнокультурных общественных объединений и НКА. Они далеко не всегда, как показывают исследования, объединяют всех представителей той или иной национальности в конкретных локусах, но служат для удовлетворения соответствующих потребностей заинтересованных людей, тем самым рас-

ширяя пространство формирования гражданского общества. В целях координации деятельности НКА и для связи с органами государственного управления при Правительстве РФ функционирует Консультативный совет, состоящий из делегированных на определенный срок представителей федеральных НКА. Такие советы создаются и при органах исполнительной власти в субъектах РФ и даже при органах местного самоуправления.

Компетенция НКА и подобных им институтов не ограничивается сферой культуры: в конфликтных ситуациях они могут выступать инструментом межэтнического диалога. Данные структуры — форма реального самоуправления этнокультурных общностей, их добровольная организация в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и т. п.

К концу 1990-х гг. в стране существовало 1500 общественных национальных объединений. В 2002 году было создано семь НКА федерального уровня (белорусская, корейская, лезгинская, немецкая, сербская, татарская, украинская), около 70 регионального и почти 180 НКА местного уровня¹. С 1994 года в Российской Федерации существует Конгресс национальных объединений России (КНОР) — общественный союз всероссийских и межгосударственных организаций диаспор и национальных меньшинств, не имеющих территориальных образований. В настоящее время в него входят: Азербайджанская гражданская ассамблея, Общество ассирийской культуры, Общество армянской культуры и Международная армянская ассамблея, Объединение греческих общин России, Общество грузин России, Ассоциация еврейской культуры и Федерация еврейских организаций и общин, Ассамблея корейцев России, Ассамблея курдов СНГ, Общество молдавской культуры, Союз поляков России, Уйгурское культурно-просветительское общество, Объединение украинцев России. КНОР не ограничивался представительской деятельностью; например, он принял участие в подготовке проекта Закона «О национально-культурной автономии».

Наличие таких гражданских объединений особо важно в контексте известной структурной неопределенности государственных институтов национальной и этнокультурной политики. Так, если в 1990-е гг. в России существовало перманентно менявшее название Министерство по делам национальностей, то с 2000 года и до начала административной реформы 2004 г. министр по делам национальностей В. Зорин

¹ Зорин Ю.В. От национальной политики к этнокультурной // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. С. 133.

работал в Правительстве Российской Федерации без министерства. Аналогичным образом до 1993 года в Совете Федерации существовала палата национальностей (когда ее упразднили, ее функции в консультативной форме перешли к общественным организациям — НКА и Ассамблее народов России, возглавляемой Р. Абдулатиповым). При этом стабильно функционирует Комитет по делам национальностей Государственной думы РФ. Однако немало подготовленных им законопроектов, касающихся этнокультурных проблем, так и не было принято (например, «О национальных меньшинствах», «Об общих принципах местного самоуправления на территориях компактного проживания национальных меньшинств и коренных народов в Российской Федерации», подготовленных еще Думой созыва 1993–1995 гг.). Все это, как считают большинство политиков, ученых и представителей обществственности, свидетельствует о том, что работа государственных органов, ответственных за национальную политику, как правило, была импровизационной и реактивной¹. Тем не менее, было бы неправильно недооценивать ее знаковую политико-психологическую роль. В условиях серьезных «этнических вызовов» государство все же отвечало: «мы о вас помним, мы вас слышим».

Результатом всего этого стало появление у граждан России уже в 1990-е гг. ощущения большей этнокультурной защищенности: была отменена обязательная фиксация национальности в паспортах. В республиках, где ставился вопрос о сохранении фиксации национального происхождения, было разрешено иметь вкладыш в паспорт. Люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, начали свободно говорить между собой на родном языке.

Результаты опросов ВЦИОМ, в частности, выявили относительно невысокие показатели антисемитизма (12–15%). Репрезентативные исследования Института социологии РАН, проведенные в Якутии, Северной Осетии-Алании, Татарстане, Башкортостане в 1994–2000 гг., в свою очередь обнаружили позитивную динамику деятельностных установок у людей, принадлежащих к титульным народам (готовность получить новую специальность, повысить свою квалификацию, иметь дополнительную работу, открыть свое дело, поддержка свободы слова, печати). Данный показатель оказался выше, чем у тамошних русских, и можно предположить, что это было связано с суверенизацией республик, психологическим повышением статуса титульных этносов.

¹ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации. М., 1997. С. 144–149.

Но и в соседних областях, например Оренбургской, сходной по своим ресурсам с Татарстаном и Башкортостаном, сложилась та же картина. Следовательно, сыграло роль усиление чувства достоинства не только на личностном, но и на групповом уровне.

Снижение чувства психологического неравенства по признаку этничности — значимый ресурс для адаптации людей к рыночной экономике и демократизации. Свобода самовыражения, социальный оптимизм — важный фактор не только психологического состояния, но и социальной деятельности. В этом контексте нужно отметить, что среди доминирующего русского этноса данные тенденции получили меньшее развитие. После распада Союза и изменения геополитического положения страны самосознание русских, их самочувствие пережило кризисное состояние. Не случайно, когда у русских в 2000–2002 гг. стало несколько улучшаться социальное самочувствие, поменялись в сторону активизации их деятельностные установки. Систематические наблюдения «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» показывали, что среди повысивших свой статус на работе половина добилась этого, сменив профессию или место работы, росло число респондентов с вторичной занятостью и т. д. Впрочем, данный сюжет подводит нас к анализу противоречий в сфере национальных отношений, уже не относимых к «тяжкому» советскому наследию, но порожденных издержками новейшей нашей истории.

Вывод: таким образом, после проведения диагностики этнополитической ситуации в России, то можно разглядеть следующие предпосылки, которые могут возникнуть в будущем.

- территориальные конфликты, часто тесно связанные с воссоединением раздробленных этносов: их источник — внутриполитические, нередко и вооруженные, столкновения между правительством и национально-освободительным движением, пользующимся военно-политической поддержкой соседнего государства (Нагорный Карабах, Южная Осетия, северо-восточные регионы Казахстана, Южный Дагестан и др.);

- конфликты, порожденные стремлением этнического меньшинства реализовать право на самоопределение в форме создания независимого государственного образования (Абхазия, Приднестровье);

- конфликты, связанные с восстановлением территориальных прав депортированных народов (между осетинами и ингушами из-за Пригородного района, крымскими татарами и другими народами Крыма);

- конфликты, в основе которых лежат притязания того или иного государства на часть территорий соседнего государства (стремление

Эстонии и Латвии присоединить к себе ряд районов Псковской области, которые были включены в состав этих двух государств при провозглашении независимости, а в 40-е годы перешли к РСФСР);

- конфликты, источниками которых служат последствия произвольных территориальных изменений, осуществленных в советский период (это, прежде всего, проблема Крыма, а потенциально — территориальные урегулирования в Закавказье и Средней Азии);

- конфликты, порожденные многолетним пребыванием депортированных народов на территории других республик (турки-месхетинцы в Узбекистане, чеченцы в Казахстане и др.);

- конфликты, связанные с абсолютизацией и противопоставлением принципов права народов на самоопределение и территориальную целостность государств, со стремлением к легитимации социально-политического превосходства «коренной» («титულიной») нации данного государства или национально-государственного образования над другими народами;

- конфликты, вызванные дискриминацией русских в ряде государств СНГ;

- конфликты, в которых за лингвистическими спорами (о государственном языке) часто скрываются глубокие разногласия между различными национальными общинами, как это проявляется, на примере Молдовы.

2.2. Примириельные технологии как инструмент регульирования этнопольитических конфликтов: история и современное состояние

Достижение взаимного согласия в деятельности людей, их объединений, общества и государства, государств и мирового сообщества является главным предназначением социального регульирования на всех его уровнях. Стабильность, основанная на соглашении, — это не только нравственный идеал неформальных межличностных человеческих отношений, но и системообразующий ориентир в упорядочении социальных связей, призванный оптимальным образом сбалансировать разнообразные, нередко противоречивые интересы. Современная действительность свидетельствует о востребованности мирного урегулирования спора как средства повышения роли гуманизма и расширения диспозитивности в жизни, что соответствует общемировой тенденции повсеместного использования примирительных процедур разрешения

разнообразных конфликтных ситуаций в различных сферах жизнедеятельности человека¹.

Примирение — неотъемлемая часть регулирования этнополитических конфликтов, где нельзя, как мы уже говорили об этом выше, решить все с юридической точностью. Этнополитический конфликт содержит множество нюансов и противоречий. При этом некоторые авторы считают: «Несмотря на несомненную социальную значимость института примирения, практику его реализации пока вряд ли можно признать эффективной»².

Между тем, выход из ста двадцати конфликтных ситуаций с этническим подтекстом на постсоветском пространстве, в которые была вовлечена Россия (конфликт с Грузией по поводу бывших ее автономий; ситуация вокруг Крыма и Приднестровья; межтаджикский конфликт и т. д.), благодаря демократизации в нашей стране происходил при всех издержках преимущественно посредством переговорных процессов³.

В современных условиях активное использование примирительных технологий (переговоры, деятельность третейских судов, согласительных комиссий, арбитров и др.) свидетельствует об их востребованности как политического инструмента. Реализация технологий примирительных процедур провозглашается одним из важнейших направлений развития социальных институтов и социальной политики в стратегических программных документах Российской Федерации, подтверждает общемировую тенденцию увеличения роли альтернативных (внесудебных) процедур в разрешении конфликтных ситуаций в самых разных сферах общественных отношений.

Примирительная технология — это альтернатива государственному принуждению. Причиной развития альтернативного разрешения споров справедливо признается недостаточная эффективность работы судебной системы, что вызвано перегруженностью судов, длительностью судебного разбирательства, судебными ошибками и другими недостаткам⁴. Не-

¹ Власенко Н.А., Чернышова Т.В. Примирение и право // Журнал российского права, 2012. № 7 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Консультант плюс.

² Там же.

³ Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

⁴ См.: Воскобитова Л. Доктринальный проект Модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения» // Мировой судья. 2007. № 1. С. 25; Котнов А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 120.

обходимо отметить, что речь идет не только о судебной системе, а о государстве в целом.

История примирительных технологий в России

Регулирование конфликтов с использованием примирительных технологий стало источником такого древнего обряда славян, как побратимство, направленного на ограничение применения кровной мести¹. Потребность в избавлении от обычая мести во многом подталкивала древнеславянское общество к выработке цивилизованных способов преодоления негативных последствий социальных конфликтов.

Во времена Киевской Руси среди примирительных процедур важное место занимали совместные пиры государя, вельмож и народа. Подобные мероприятия являлись одним из основных средств консолидации верховной власти и народа. При этом каждый совместный пир являлся своеобразным способом примирения противоречий между государем, вельможами и народом. В этом смысле пир становился правовым символом, ибо именно он в значительной степени и формировал позитивную социальную ответственность, отражал социальный статус пирующих, выступал определенным «тестом на лояльность» к княжеской власти и неким средством обратной связи власти и общества². Традиции совместных пиров (конечно, в более цивилизованной форме) были восприняты последующими поколениями в виде санкционированного на государственном уровне порядка проведения разнообразных переговоров, совещаний, работы примирительных комиссий и других согласительных и примирительных процедур.

Исторически на Руси, как и во всем мире, частный порядок разрешения конфликтов предшествовал соответствующим официальным государственным процедурам. Доказательством этому служит, например, упоминание о третейском суде в Соборном уложении 1649 г.: стороны имели право по обоюдному решению сформировать свой третейский суд, решение которого приравнивалось по статусу к решению государственного суда³. Прообразы третейских судов и других согласительных авторитетов корнями уходят в первобытное общество. С возникновением и развитием государства наиболее эффективные и проверенные

¹ *Рубинштейн Е.А.* Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 11.

² *Мигущенко О.Н.* Истоки формирования религиозно-нравственной составляющей российского правосознания // История государства и права. 2007. № 11. С. 10.

³ *Матненко М.В.* Третейское урегулирование разногласий в трудовых отношениях // Трудовое право. 2008. № 6. С. 62.

временем организационные и процедурные формы мирного разрешения конфликтов были привнесены и соответствующим образом инкорпорированы в складывающийся правовой правопорядок.

Окончательное законодательное оформление и признание примирение получило посредством введения в отечественную юридическую практику института совестного суда (XVIII — XIX вв.). Широкое распространение примирительные процедуры получили в России в крестьянской среде, жизнь которой и в XIX в. Регулировалась, в основном, неписаными правилами и обычаями¹. Процедуры разрешения конфликтов в волостном суде и в неофициальных судах (суд старейшин, суд соседей, громада, братский суд) в целом основывались на посредничестве и примирении.

Задачи примирения в начале своего существования в российской юридической практике выполняли и мировые суды. Так, Устав гражданского судопроизводства (1864) предусматривал, что мировой судья на основании соглашения сторон мог выполнять определенные примирительные функции по правилам, установленным для третейского суда². Дело в том, что при учреждении системы местных судов в результате судебной реформы 1864 года главным предназначением института мировых судей являлись примирение сторон, охрана и утверждение «общего порядка и спокойствия». При рассмотрении гражданских дел мировой судья только «в случае неуспеха» мер, предпринятых для склонения сторон к примирению, мог приступить к постановлению решения по существу. Причем меры для склонения тяжущихся к примирению мировой судья обязан был принимать и во время производства по делу.

Положительный опыт действия указанных судов впоследствии был воспринят и Советской Россией путем введения в конце 20-х гг. прошлого века сельских общественных судов с использованием примирительных камер при сельских советах, реорганизованных в начале 30-х гг. в товарищеские суды колхозов³. В компетенцию данных судов (сельские общественные суды, производственно-товарищеские суды,

¹ *Кочеткова Н.И.* Этнический правовой обычай как источник права России. Ростов н/Д., 2007. С. 12–28.

² Устав гражданского судопроизводства с разъяснениями Сената по 1903 год включительно. Екатеринбург, 1904. С. 44.

³ *Мигущенко О.Н.* Общественные суды при сельских советах как фактор формирования правосознания населения (по материалам ЦЧО) // Мировой судья. 2008. № 3. С. 2–5.

жилищные суды) были переданы малозначительные дела, причем работа таких судов практически не формализовалась правилами судопроизводства¹. В настоящее время атипичные функции разрешения малозначительных юридических конфликтов выполняют административные комиссии.

У разных народов, проживающих на территории России и стран СНГ, зарождение и развитие примирительных процедур имеют свои особенности. В любом случае идея примирения с момента зарождения тесно связана с нормами обычного права. Например, специфика примирительного процесса кавказских народов в том, что его осуществляли духовные, авторитетные и влиятельные люди. Назначенное наказание имело целью, в первую очередь, восстановление нарушенного внутриобщинного мира. Главная задача суда старейшин народов Северного Кавказа, представлявшего собой родовой суд, заключалась в примирении сторон. При этом решения данного суда, основанные на нормах обычного права, считались обязательными лишь в случае признания его справедливости обеими сторонами².

Схожий порядок примирительных процедур длительное время использовался и во многих других развивающихся сообществах. В XIX в. — у народов Дальнего Востока России, несмотря на то, что судебная система в целом по стране уже в основном сложилась, но, по оценкам специалистов, была малоэффективной. В большинстве случаев судебные функции передавались третейскому (медиаторскому) суду, разрешавшему в большинстве случаев имущественные тяжбы и при необходимости любые иные конфликты.

Правовой основой решения конфликтов, как отмечалось, являлось обычное право, нередко систематизированное в сборники (например, Селенгинское уложение 1823 года, составленное на основе древних обычаев бурят). В соответствии с обычаями бурят судебным разбирательством ведали шуленги и старшины³, главной задачей которых было добиться признания преступником своей вины или примирения

¹ Камалова Г.Т. Формы привлечения общественности к участию в работе судебных органов Урала (1922– 1930 гг.) // Российский судья. 2009. № 9. С. 45.

² Абдуллаева Ч.С. Некоторые историко-правовые аспекты процедур примирения с потерпевшим // История государства и права. 2008. №8. С. 9; Ширяева Ю.В. История примирительных процедур в России // Исполнительное право. 2008. № 2. С. 38–41.

³ Шуленги — сборщики податей; выборные судьи. Старшины — авторитетные лица в роде, имеющие властные полномочия по управлению определенным сообществом.

тяжущихся сторон¹. При недостижении примирения сторона могла обратиться за защитой к земскому начальству или другому представителю российской власти, руководствовавшихся при рассмотрении соответствующих дел как нормами обычного права бурят, так и Указами Иркутского губернского Правительства (от 3 августа 1800 г., 9 июля 1806 г. и др.) и Указом Правительствующего сената (от 13 декабря 1820 г.). Схожий порядок судебно-правовых отношений наблюдался и у других народов Сибири — якутов, эвенков, алтайцев, шорцев и др. При этом судебными функциями у данных народов обладали представители родовой верхушки, которую царская администрация наделяла необходимыми полномочиями и правами (шуленги, старшины и др.)².

Следует отметить, что согласно Уставу «Об управлении инородцев Сибири» (1822) коренные народы Сибири были разделены на три разряда: оседлое население, кочевники и бродячие народы. В юридическую практику был введен институт суда «словесной расправы», который на основе обычаев рассматривал незначительные дела (за исключением возмущения, намеренного убийства, разбоя и насилия, «деланья фальшивой монеты», похищения казенного и общественного имущества). При этом указанный Устав определил основное назначение судов «словесной расправы», заключающееся в «прекращении частных между инородцами несогласий и в их примирении». Особенностью решения суда «словесной расправы» являлось то, что оно приобретало юридическую силу, если обе спорящие стороны были согласны с принятым решением, поэтому основная функция словесной расправы состояла в примирении спорящих сторон³. Суд «словесной расправы» являлся специфическим прообразом современных третейских судов и примирительных комиссий.

Подобным образом развитие примирительных процедур происходило и в других странах. Например, в Великом княжестве Литовском согласно Статутам 1529 и 1566 гг. было установлено правило о государственном расследовании в первую очередь наиболее тяжких преступлений. В остальных случаях, как правило, допускалось примирение сторон, как по гражданским, так и по уголовным делам путем совершения мировой сделки⁴.

¹ *Тумурова А.Т.* Генезис обычного права бурят. Улан-Удэ, 2005. С. 75–85.

² Там же. С. 75–90.

³ *Наумкина В.В.* Деятельность судов «словесной расправы» в Восточной Сибири XIX века // История государства и права. 2007. № 12. С. 25–26.

⁴ История отечественного государства и права: учебник: В 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. М., 2010. Ч. 1. С. 141.

В Казахстане долгое время сохранялся обычай, согласно которому стороны в споре могли обращаться за его решением к любому авторитетному члену рода, отличавшемуся умом и жизненным опытом, т.е. к третейскому разбирательству судебных дел. С развитием государственности появились судьи-бии, которыми в XV–XVII вв. могли стать те, кто хорошо знал обычаи и выделялся своим общественным положением и умом¹. С XVII в. в казахских ханствах повсеместно действовал суд биев, выполнявший функции третейского суда, а наряду с ним существовал суд султанов, разбиравший различные тяжбы между крупными родами, и суд хана, которому принадлежало право судить султанов и биев и выносить окончательные судебные решения². Такое построение судебной системы на территории современного Казахстана можно признать довольно развитым и эффективным: первый уровень судов (суды биев) был направлен на примирение сторон, и только если оно не было достигнуто, следовало обращение заинтересованных сторон к судам султанов и хана.

Во многих регионах России все еще действуют обычаи, согласно которым примирение конфликтующих сторон общиной или самими сторонами поручается уважаемым в данном регионе людям, умудренным большим жизненным опытом («аксакалам») или иным признанным в данной местности третейским судьям. При этом следует иметь в виду, что не всегда такое примирение можно признать правомерным. В последнее время такими судьями нередко выступают криминальные личности (авторитеты, воры в законе), часто применяющие угрозы и насилие для прекращения того или иного конфликта (так называемая теневая юстиция). Основной причиной этого называют бездействие правоохранительных органов и безразличие общественности, которая могла бы стать инициатором упорядочения отношений между жителями того или иного региона³.

Как видно, примирительные процедуры в России имеют глубокие исторические корни и в настоящее время активно встраиваются в нормативную правовую систему. Многолетний положительный российский и зарубежный опыт примирения в различных сферах обще-

¹ История государства и права СССР / под ред. Г.С. Калинина, А.Ф. Гончарова. М., 1972. С. 452.

² *Обушиев С.П., Умерова Г.Б.* Судебная политика в национальных окраинах Российской империи в XIX веке (Дальний Восток, Сибирь, степное Предкавказье, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия) // Право и политика. 2007. № 5. С. 115–116.

³ *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 111–112.

ственных отношений может быть обобщен и успешно использован для дальнейшей оптимизации данного правового института в современных условиях.

Функциональная характеристика примирения. Социальные функции права отражают «человеческое измерение» установленных в обществе нормативных регуляторов. В современной правовой доктрине все большее распространение приобретает понимание социальной функции права в собственном (узком) смысле этого слова, основанное на подходе к праву как к разновидности социальных норм, имеющей с момента своего появления социальный (общественный) характер¹.

Вместе с тем, не только собственно социальная сфера служит основой для проявления социальных начал права. Важнейшими функциями признаются социальная, воспитательная, идеологическая и др. С их помощью аккумулируются прогрессивные воззрения членов общества на право, правомерное поведение и др. Они имеют немалое значение с точки зрения общей и частной превенции правонарушений, направлены на решение задачи нахождения оптимального сочетания права и морали, господствующей в обществе, и др.

Экономическая функция. Главным условием современной, основанной на гуманных принципах, социальной политики государства выступают экономические отношения, мобилизующие его возможности в деле оказания гражданам социальной защиты. Экономически развитые высокоиндустриальные государства способны обеспечить человеку достойные условия жизни и уровень социальных гарантий. В связи с этим экономическая значимость примирения выражается в их прямом влиянии на динамику предпринимательских отношений с точки зрения реализации их базовых правовых принципов — равноправия сторон, свободы договора, разумности, добросовестности и эквивалентного возмещения причиненного ущерба. Данная функция представляет собой систему взаимосвязанных действий государства, межгосударственных объединений и хозяйствующих субъектов по реализации в предпринимательских и связанных с ними отношениях стабилизирующего и упорядочивающего потенциала примирительных процедур. При этом «примирительный» вариант разрешения спорного дела представляется для участников бизнес-отношений экономически гораздо более приемлемым с точки зрения сохранения между ними нормаль-

¹ См.: *Нижечек В.И.* Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений. Иркутск, 1973; *Нерсесянц В.С.* Право в системе социальной регуляции. М., 1986.

ных деловых отношений и заработанной предпринимательской репутации, чем прохождение соответствующих государственных юрисдикционных процедур. Со стороны государства примирение выступает одним из гарантов его экономической безопасности.

Политическая функция. В отношении примирительных процедур данную функцию следует рассматривать под углом зрения восстановления (направленности примирительных процедур на эквивалентную компенсацию морального или материального ущерба) и охраны интересов конфликтующих сторон.

Международно-правовое примирение. Мирное урегулирование разного рода внешних конфликтов применялось в самом начале существования не только государств, но и первобытнообщинных сообществ. В межгосударственных отношениях примирение является важнейшим гарантом и эффективным средством обеспечения мирового правопорядка и всеобщей безопасности.

Примирительные технологии развиваются в зависимости от исторической эпохи.

Так, некоторые известны:

- с древнейших времен (добрые услуги, посредничество и др.);
- другие получили развитие лишь в XIX в. (согласительные процедуры, арбитраж);
- третьи же возникали и развивались на протяжении XX в. (международные суды, примирительные комиссии, разрешение споров с помощью международных организаций)¹.

Выработанные в ходе развития межгосударственных отношений средства примирения сталкивающихся интересов государств и соответствующих международных организаций и объединений, а также сторон межгосударственных экономических отношений² доказали свою эффективность на практике и продолжают применяться.

Комплекс международных примирительных механизмов основывается на базовом принципе международного права — мирном разрешении споров, — действующем равным образом, как в пределах мирового пространства, так и в рамках различных международных объединений.

Примирительные технологии в регулировании этнополитических конфликтах в международном аспекте можно условно разделить по

¹ *Покровский И.Ф., Овлащенко А.В.* История права и его будущее // Транспортное право. 2009. № 1. С. 33–34.

² *Гайдаенко Шер Н.И.* Медиация как способ разрешения международных коммерческих споров // Журнал российского права. 2011. № 7.

вертикали (уровневый подход) и по функционалу (по порядку разрешения конфликтов).

1. Вертикальный подход делится на следующие уровни:

– универсальный уровень, представляющий собой комплекс примирительных процедур, распространяемый на все государства мира (главный координирующий орган здесь — ООН);

– региональный уровень — примирительные процедуры, принятые в рамках региональных объединений государств (ЕС, ЕврАзЭС, СНГ и др.);

– казуальный уровень — набор примирительных процедур, подобранных для разрешения конкретного международного дела (казуса).

2. Функциональный подход по порядку разрешения конфликтов международные примирительные процедуры можно разделить:

– на примирение сторон международных споров с помощью универсальных международных органов (Совет Безопасности ООН и др.);

– достижение примирения при участии международных судебных или арбитражных органов;

– разрешение межгосударственных противоречий с использованием двусторонних внутригосударственных механизмов разрешения конфликтов на основе паритетного представительства сторон (переговоры глав государств и т. п.).

Таким образом, примирение в международных отношениях представляет собой важнейший и неотъемлемый элемент, выступающий эффективным механизмом сохранения стабильности разнообразных международных связей и гарантом обеспечения безопасности мирового сообщества в целом.

Роль государства в соответствующих отношениях сводится к тому, чтобы предоставить их участникам правомерные процедуры для урегулирования спора, из которых можно выбрать наиболее приемлемые средства, для каждой из сторон.

Развитие примирительных процедур в уголовном праве и процессе имеет более длинную историю по сравнению с другими отраслями права. Изначально примирение по уголовным делам регулировалось нормами обычного права и представляло собой попытку отхода от обрядов самосуда и кровной мести. По мере развития государство в интересах поддержания порядка стало определять условия, при которых месть потерпевшего являлась правомерной и исключала новую месть со стороны того, на кого она была направлена. По тем же основаниям целесообразной стала охрана соглашения правонарушителя с потерпевшим, когда потерпевший отказывался от мести и получал от нарушителя

определенное имущественное возмещение¹. Данные причины во многом и «подтолкнули» эволюцию примирительных процедур не только в уголовном праве и процессе, но и в отношениях, регулируемых иными отраслями права.

Третейское примирение. Третейский порядок рассмотрения споров, получивший широкое распространение в отечественной и зарубежной практике, является наиболее формализованным и приближенным к официальному судебному порядку рассмотрения споров из всех примирительных процедур.

Урегулирование разногласий в порядке третейского производства значительно отличается от урегулирования путем переговоров и медиации. Нормативное регулирование данного института объясняется тем, что третейские суды, как и суды общей юрисдикции, полномочны выносить решения, в связи с чем, необходим определенный порядок рассмотрения спора, механизм принудительного исполнения решений. В целом, процесс урегулирования разногласий в третейском суде считается менее формализованным, чем в государственном. Дело в том, что третейские суды по организационно-правовой форме являются квазисудебными органами, рассматривающими споры в той или иной сфере человеческой деятельности. От процедуры медиации третейские учреждения отличаются, прежде всего, возможностью самостоятельно выносить решения. При медиации посредник решений не принимает, а лишь содействует в этом сторонам конфликта. Система третейских судов незамкнутая и иерархически соподчиненная, а видоизменяется и дополняется новыми третейскими органами по мере возникновения общественной потребности в них.

Медиативное примирение. Медиация (от лат. *mediare* — выступить посредником) с точки зрения права означает выполнение каким-либо независимым и незаинтересованным в исходе дела физическим лицом или организацией посреднической функции, направленной на достижение согласия сторон юридического спора.

При медиации достигается сочетание автономии воли сторон и гарантий по выработке общей позиции в достижении взаимовыгодного результата, для чего стороны наделяют определенными полномочиями третье лицо — медиатора. В широком понимании медиация — это желание общества преодолеть социокультурные противоречия в связи с потребностями развития. Задача медиатора — помочь сторонам осоз-

¹ Гаева О.Х., Хайрусов Д.С. Историко-правовой аспект развития института примирения // История государства и права. 2008. № 6. С. 31.

нать их собственные интересы и на основе этого совместно выработать взаимоприемлемые договоренности¹, где медиация не направлена на определение правого и виноватого, а приводит стороны к консенсусу. Медиаторы (посредники) привлекаются для того, чтобы взглянуть на конфликт со стороны и помочь сторонам при рассмотрении спора освободиться от лишних эмоций и предвзятости.

Посредничество не является привилегией юристов. Посредником может быть лицо любой профессии и квалификации, что обусловлено междисциплинарным характером медиации, совместившей в себе такие отрасли знания, как конфликтология, право, психология и др. Посредник привлекается в целях обеспечения сторонам комфортного сотрудничества в согласовании интересов, он не приравнивается к сторонам разногласия и помогает им достичь примирения. Вместе с тем медиация является особой формой посредничества, ибо она является особым приемом, используемым при проведении различных примирительных процедур, в том числе в переговорах, третейском разбирательстве и др.

В настоящее время отмечается общемировая тенденция оформления посредничества в самостоятельную профессию, выделения его из арбитража и возрастания количества и эффективности профессиональных посреднических процедур, что справедливо.

Итак, в Российской Федерации социально-экономические возможности примирительных процедур признавались и ранее, а на современном этапе стали осознаться заново. Реализация идеи примирения на самых разных уровнях государственного и муниципального управления сопровождается не только разработкой соответствующих нормативных правовых актов (например, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»), но и принятием решений о создании новых государственных и общественных «примирительных» структур и наделении дополнительными полномочиями уже функционирующих:

- недавно учрежден институт общественного примирителя на финансовом рынке (финансового омбудсмена);
- высказываются предложения о расширении примирительных функций в нотариальной и страховой практиках².

¹ Суд доброй воли. В России вводится альтернативная процедура урегулирования споров // Российская газета. 2010. № 148. 8 июля.

² Гацалов К.А. Страховой омбудсмен в России: возможные пути и перспективы развития // Юридическая и правовая работа в страховании. 2010. № 2. С. 41–51.

По мере претворения в жизнь общепринятых международных норм и принципов демократического правового государства перспективы института примирения приобретают все большую определенность. Дальнейшее развитие примирительных процедур в России нуждается в поддержке законодательной, исполнительной и судебной власти, в совершенствовании правовой базы и устранении препятствий к эффективному ее применению.

Возможность развития и совершенствования примирения тесно связана с повышением общего уровня правосознания и юридической культуры участников общественных отношений. Особую роль здесь может сыграть одна из важнейших функций примирения — воспитательная, при этом знания о примирении следует активнее использовать в образовательном процессе, чтобы привить будущим юристам навыки примирительной деятельности, разрушить стереотипы приоритетного обращения в государственные юрисдикционные органы. Целесообразно создать систему специального обучения медиаторов, проводить учебные курсы повышения квалификации, информировать общественность о преимуществах мирного урегулирования споров и возможностях использования тех или иных альтернативных методов разрешения споров.

В целом же растущая интенсивность экономических отношений и вовлечение в них все большего числа предприятий, включая малые и средние, предопределяют увеличение количества способов урегулирования споров и повышение их эффективности. Свобода предпринимательской деятельности предполагает и известную свободу в разрешении разногласий между субъектами таких отношений. Одним из наиболее результативных механизмов прекращения конфликтных ситуаций, противодействующих экономическому развитию, и является примирение.

Преимущества примирительных процедур по сравнению с государственными юрисдикционными механизмами разрешения возникающих в обществе конфликтов в том, что они помогают экономить время, финансовые средства и физические силы участников спора. Причем медиация ориентирована не столько на конфликт, сколько на конструктивный поиск взаимоприемлемого его решения. Немаловажна в связи с этим и защита сферы частных интересов участников, ибо медиация конфиденциальна. Потребность внедрения в российскую практику примирительных процедур обусловлена и необходимостью снизить нагрузку на суды.

Дальнейшее развитие примирения в России видится в оптимизации использования официальных государственных юрисдикционных про-

цедур и альтернативных форм разрешения споров, являющихся перспективным направлением совершенствования всей системы разрешения юридических противоречий.

Примирение есть комплексный межотраслевой институт, необходимый для нормального функционирования общества, предполагающий теоретический подход в его системном изучении. Основополагающее нормативное значение примирения выражается в его стабилизирующем и упорядочивающем влиянии на законопослушное поведение участников общественных отношений.

Механизм реализации принципа мирного разрешения этнополитических сложился в виде системы международно-правовых средств, норм национального (внутригосударственного) регулирования и политической практики.

Согласно ст. 33 Устава ООН государства, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стремиться разрешить спор путем «переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору».

В данном параграфе мы приведем почти все известные на сегодняшний день средства мирного регулирования этнополитических конфликтов.

Переговоры. Это наиболее доступное, гибкое и эффективное средство мирного разрешения споров, играющее ведущую роль среди других мирных средств. Такая их роль обусловлена тем, что конкретные цели, состав участников, уровень представительства на переговорах, их организационные формы и прочие процедурные вопросы согласовываются самими спорящими сторонами в соответствии с основными принципами и нормами современного международного права; переговоры должны вестись на равноправной основе, исключая нарушение суверенной воли заинтересованных сторон. Независимо от предмета переговоров они должны начинаться и протекать без каких-либо предварительных ультимативных условий, принуждения, диктата и угроз.

Позитивный исход переговоров может выразиться либо в непосредственном разрешении спора по существу, либо в достижении договоренности о применении иного мирного средства решения спора. Однако если переговоры не привели к определенному соглашению, стороны обязаны продолжить поиск взаимоприемлемого урегулирования разногласий.

Консультации сторон. Как средство мирного урегулирования споров консультации стали применяться после Второй мировой войны, получив международно-правовое закрепление в большом числе двусторонних и многосторонних соглашений. Консультирующиеся стороны могут заранее устанавливать периодичность встреч, создавать консультативные комиссии. Указанные особенности консультаций способствуют поиску компромиссных решений спорящими сторонами, непрерывности контактов между ними, а также реализации достигнутых договоренностей в целях предупреждения возникновения новых споров и кризисных ситуаций. Процедура обязательных консультаций на основе добровольного согласия сторон позволяет использовать двойную функцию консультации: в качестве самостоятельного средства разрешения споров и для предотвращения, профилактики возможных споров и конфликтов, а также в зависимости от обстоятельств как средство достижения спорящими сторонами договоренности о применении других средств урегулирования. Можно считать, что консультации являются разновидностью переговоров.

Консультации могут носить факультативный или обязательный характер.

При этом консультации необходимо отличать от иных способов, используемых при проведении переговоров, а именно: уведомления (*notification*) и получения предварительного согласия (*obtaining of prior consent*). Например, если сторона А намеревается оповестить сторону Б о будущих действиях, которые затронут интересы данного государства, то уведомления в данном случае будет явно недостаточно для стороны Б, т. к. оно будет иметь намерение более детально обсудить предстоящие события. Следовательно, необходимо именно получение согласия стороны Б. При таких обстоятельствах оно сможет выразить возражения по поводу указанных действий. Тем не менее не во всех случаях сторона Б будет обладать правом вето в отношении действий стороны А, т. к. реализация подобного права носит исключительный характер и связана с правом осуществления совместной юрисдикции над чем-либо. В остальных случаях право вето может нарушить суверенитет другого государства¹.

Обследование. Это средство мирного урегулирования, к которому прибегают в случаях, когда спорящие стороны расходятся в оценке

¹ *Зайцева Л.И.* Переговоры как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве // Международное публичное и частное право. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Консультант плюс.

фактических обстоятельств, вызвавших спор. Для осуществления процедуры обследования стороны создают на паритетных началах международную следственную комиссию, иногда во главе с представителем третьего государства или международной организации. Следственная комиссия должна учреждаться на основании специального соглашения между спорящими сторонами. В соглашении определяются подлежащие расследованию факты, порядок и срок образования комиссии, объем полномочий ее членов, а также место пребывания комиссии, ее право перемещаться, срок, в который спорящая сторона должна будет представить свое изложение фактов, и т. д. Результаты работы комиссии фиксируются в докладе, который должен ограничиваться лишь установлением фактов. За сторонами сохраняется полная свобода воспользоваться выводами следственной комиссии по своему усмотрению.

Примирение (согласительная процедура). Как средство мирного урегулирования споров примирение, в отличие от обследования, включает не только выяснение фактических обстоятельств, но и разработку конкретных рекомендаций для сторон. При применении согласительной процедуры стороны, как и в случае с обследованием, образуют на паритетных началах международную согласительную комиссию, которая и вырабатывает свои рекомендации.

Добрые услуги. Это действия не участвующей в споре стороны (государства, международной организации, известного общественного или политического деятеля), направленные на установление контактов между спорящими сторонами. Добрые услуги могут оказываться как в ответ на соответствующую просьбу одной или обеих спорящих сторон, так и по инициативе третьей стороны.

Предложение добрых услуг не должно рассматриваться в качестве недружественного акта по отношению к спорящим сторонам. Оказывающий добрые услуги в самих переговорах по разрешению спора непосредственного участия не принимает. Добрые услуги нередко перерастают в посредничество.

Посредничество. Оно предполагает непосредственное участие третьей стороны в мирном разрешении спора. Участвуя в переговорах спорящих сторон, посредник призван всемерно содействовать выработке приемлемого для этих сторон решения спора и вправе предлагать свои варианты такого разрешения, хотя предложения посредника не носят для спорящих сторон обязательного характера.

Добрые услуги СССР, перешедшие затем в посредничество, сыграли позитивную роль в урегулировании индо-пакистанского конфликта

и привели к принятию конфликтующими сторонами Ташкентской декларации от 10 января 1966 года.

В современных условиях практику применения вышеприведенных средств разрешения международных споров следует развивать и активно использовать в целях предотвращения и улаживания внутригосударственных конфликтов.

Арбитраж. Использование международного арбитража для разрешения споров между государствами берет начало в глубокой древности. Известны многие случаи арбитражного разрешения споров, один из которых относится к истории Древней Греции. В 445 году до н. э. в договоре о союзе между Спартой и Афинами стороны обязались не прибегать к войне, если другая сторона хочет передать спор в арбитраж. В 432 году Спарта обвинила Афины в нарушении этого договора. Когда Афины предложили, чтобы в соответствии с договором спор был передан в арбитраж, Спарта отклонила это предложение и вторглась в Афины. После того как Спарта была разгромлена, утверждалось, что это произошло из-за нарушения ею торжественной клятвы, за что она была наказана богами. После 10 лет войны, в 421 году до н. э., между сторонами был заключен так называемый Никиев мир, в котором было упомянуто взаимное обязательство не прибегать к войне и передавать все будущие споры в арбитражный суд. Но история повторилась, когда несколькими годами позже на этот раз уже Спарта потребовала арбитражного разбирательства, ссылаясь на нарушение договора 421 года до н. э., а Афины отказались от этого. Спарта начала боевые действия, в результате которых Афины были разгромлены. Так как последние отказались от арбитража, боги, считали древние, больше не были на их стороне.

Современная история арбитражного рассмотрения споров началась с образования на основе англо-американского Договора о дружбе, торговле и мореплавании 1794 года («договор Джея») трех смешанных комиссий. В XIX в. было образовано уже более 200 арбитражных судов.

В 1872 году арбитражный суд, занимавшийся рассмотрением алабамского спора между США и Великобританией, своим решением обязал английское правительство возместить США ущерб в сумме 15,5 млн долларов, связанный с продажей англичанами южанам военных кораблей, уничтоживших в период Гражданской войны в Америке (1861—1865 гг.) несколько десятков американских судов. Это решение имело важное значение для определения юрисдикции арбитражных судов.

Международный арбитраж представляет собой добровольно выраженное согласие спорящих передать свой спор на рассмотрение

третьей стороны (третейское разбирательство), решение которой будет обязательным для сторон в споре. Обязательность применения и исполнения решения есть то главное, что отличает арбитражную процедуру от приведенных выше средств мирного урегулирования споров.

Существует два вида арбитражных органов: постоянный арбитраж и временный (арбитраж *ad hoc*). В отличие от постоянного арбитража *ad hoc* создается соглашением сторон, именуемым компромисс, или третейская запись, для рассмотрения данного конкретного спора. Указанное соглашение содержит описание предмета спора, состав суда, его компетенцию, принципы и процедуру арбитражного разбирательства, а также положение о признании сторонами в споре обязательности арбитражного решения.

Важную роль в развитии института арбитража сыграли Гаагские конвенции о мирном решении международных столкновений 1899 и 1907 гг. В соответствии с первой из них в 1901 году была учреждена Постоянная палата третейского суда (ППТС) в Гааге с целью «облегчить возможность обращаться без замедления к третейскому суду в случае международных споров, которые не могли быть улажены дипломатическим путем», которая формально существует до сих пор.

Однако постоянно функционируют только Административный совет и бюро канцелярии Палаты во главе с генеральным секретарем. Каждое из участвующих в Конвенциях государств (их в настоящее время около 80) назначает четырех компетентных лиц из числа своих граждан в качестве членов Палаты (арбитров). Россия — член Палаты и четыре ее юриста-международника образуют национальную группу Палаты. Из общего списка членов Палаты стороны и выбирают арбитров. За время своего существования Палата рассмотрела около 30 межгосударственных споров.

В первой половине 1990-х годов Палата приняла ряд ныне действующих документов, определяющих факультативные правила рассмотрения споров. Среди них можно выделить: Факультативные правила арбитражного рассмотрения споров между двумя государствами; Факультативные правила арбитражного разрешения споров между двумя сторонами, из которых только одна сторона является государством; Факультативные правила арбитражного рассмотрения споров между международными организациями и государствами; Факультативные правила примирения и др.

Арбитражной практике известны два вида юрисдикции постоянных арбитражей: факультативная и обязательная. В первом случае для пе-

передачи спора в арбитражный орган необходимо обоюдное согласие всех сторон, во втором — достаточно требования одной из сторон.

Можно выделить три основных способа передачи дела на арбитражное разбирательство:

- специальное соглашение (компромисс), передающее существующий спор в арбитраж;

- специальное положение (арбитражная оговорка) в различных договорах, предусматривающее передачу в арбитраж споров, которые могут возникнуть из толкования или применения договора;

- общие арбитражные договоры, предусматривающие передачу в арбитражное разбирательство любых споров, которые могут возникнуть между сторонами (обязательный арбитраж). Стороны нередко оговаривают, что арбитражу не подлежат споры, затрагивающие жизненные интересы, независимость или честь сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После прекращения существования СССР перед Российской Федерацией возникли достаточно сложные перспективы. Не будем отрицать, далеко не радужные. В том числе Россия могла повторить историю СССР, а именно этнический сепаратизм-конфликт-сецессия. Так, Л.Н. Дробижева пишет: «...тогда эти опасности действительно были реальными и напряженность в национальных отношениях, стихая в одном месте, вновь нарастала в другом, распада России не произошло. Российское общество, выбрав путь демократизации и рыночных реформ, становилось качественно иным — более устойчивым, гибким, способным конструктивно решать возникающие проблемы»¹.

История показала, что Россия смогла устоять и справилась с возникшими проблемами. Спустя двадцать три года первый и единственный в истории Президент СССР Михаил Горбачев на презентации своей новой книги «После Кремля», признал, что главная заслуга Владимира Путина в том, что он спас Российскую Федерацию от распада.

«Я думаю, мы все — российские граждане — должны помнить, что он спас от распада, который начинался, Россию. Очень много регионов не признавали, по сути дела, Конституцию нашу. По 100 с лишним отклонений в местных документах конституционных от Конституции российской», — сказал М. Горбачев. Также Михаил Сергеевич подчеркнул, что в тот период необходимо было решить, способны ли мы сохранить и развивать государство, Путин, «спасая Россию в такой ответственный период, сделал историческое дело...»².

Несомненно, ситуация, сложившаяся в России после распада СССР, была сложной, неоднозначной, взрывоопасной и требовала смелых решений. Проведенная автором в ходе подготовки данного исследования работа, позволяет сформулировать следующие выводы:

¹ Дробижева Л.Н. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опять 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

² URL: <http://www.kp.ru/online/news/1935483/>

В настоящее время существует огромное количество описаний понятия «этнополитического конфликта» в социологии, политологии, конфликтологии, этнологии. До сих пор идут споры относительно смыслового наполнения этого понятия. Нами была предпринята попытка разделить понятия «этнополитический конфликт» и «межэтнический конфликт», а также «этнополитический конфликт» и «политический конфликт».

Исходя из нашего анализа общемировых моделей регулирования этнополитических конфликтов, мы предлагаем собственные рекомендации, которые возможно использовать в практике регулирования конфликтов на территории России.

Учитывая специфику этнополитической ситуации в современной России и ее место в мировом политическом пространстве мы полагаем, что в настоящий момент особое значение приобретает превентивная модель регулирования этнополитического конфликта, включающая в себя преимущественно примирительные технологии. Более того, у автора имеется опыт практической работы в данном направлении в рамках деятельности Агентства примирительных технологий при центре ЮНЕСКО-ЮНЕВОК в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений». Исходя из нашего опыта, мы рекомендуем к реализации следующие направления.

1. Обучение использованию примирительных технологий (медиации, переговорам, основам фасилитации) следующих категорий граждан:

- государственных служащих, занятых в области управления национальной политикой; госслужащих, работающих в сфере молодежной политики;
- уполномоченных по правам человека; уполномоченных по правам ребенка (как федеральных, так и региональных);
- сотрудников муниципалитетов;
- представителей гражданского общества (работники национально-культурных автономий, представители некоммерческих неправительственных организаций (НПО), работники СМИ).

2. Пропаганду примирительных технологий среди различных слоев населения через СМИ, общественные структуры, образовательные учреждения, органы власти и т. д.

Данные меры позволят в буквальном смысле вооружить активные силы нашего общества технологиями, позволяющими не только регулировать конфликты, но и распознавать и предотвращать их задолго до их возникновения и тем более обострения.

ЛИТЕРАТУРА

Официальные документы

1. Конституция Российской Федерации.
2. Концепции государственной национальной политики Российской Федерации [утв. Указом Президента Российской Федерации от 15.06.1996 № 909].
3. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [утв. Указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666] [Электронный ресурс]. Доступ из СПС Консультант плюс.
4. Борьба с антисемитизмом и другими формами нетерпимости. Резолюция Пятнадцатой ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ. Брюссель, 3–7 июля 2006 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 220–221.
5. Борьба с антисемитизмом. Резолюция Четырнадцатой ежегодной сессии Парламентской ассамблеи ОБСЕ. Вашингтон, 1–5 июля 2005 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 218–219.
6. Борьба с антисемитизмом. Решение № 607 Постоянного Совета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе от 22 апреля 2004 г. Межнациональные отношения без конфликтов: спра-

- вочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 206–207.
7. Борьба с нетерпимостью и дискриминацией в отношении мусульман. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии против расизма и нетерпимости № 5, Страсбург, 6 мая 2000 г. Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 198–201.
 8. Борьба с нетерпимостью и дискриминацией и содействие взаимному уважению и пониманию. Решение № 13/06 Совета министров Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе от 5 декабря 2006 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 222–227.
 9. Борьба с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и нетерпимостью. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии против расизма и нетерпимости № 1. Страсбург, 4 октября 1996 г. Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 178–182.
 10. Всеобщая декларация ООН о правах и свободах человека 1948 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года; Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии убеждений и др.

11. Выполнение принятых в рамках ОБСЕ обязательств в области борьбы с расизмом, антисемитизмом и ксенофобией. Резолюция, принятая на Тринадцатой ежегодной сессии Парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Эдинбурге 5–9 июля 2004 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: Справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 208–210.
12. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 на 92 пленарном заседании 47 сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 142–146.
13. Декларация о расе и расовых предрассудках. Принята и провозглашена Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее двадцатой сессии 27 ноября 1978 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 84–92.
14. Декларация принципов толерантности [утв. резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.] // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 147–152.
15. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре

медиации)» / отв. ред. С.К. Загайнова, В.В. Ярков. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 272 с.

16. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. 4 ноября 1950 года, Рим (Извлечение) // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 165–166.
17. Кордобская декларация. Итоговый документ Конференции ОБСЕ по борьбе с антисемитизмом и другими формами нетерпимости. Кордоба, 8–9 июня 2005 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 214–217.
18. Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Academia, 2012. — 640 с.
19. О противодействии распространению материалов расистского, ксенофобского и антисемитского характера через Интернет. Общеполитическая рекомендация Европейской комиссии против расизма и нетерпимости № 6, Струссбург, 15 декабря 2000 г. Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 202–205.
20. О создании суверенной Тувинской Народной Республики — Республики Танну-Тува-улус было провозглашено на Всетувинском учредительном хурале 14 августа 1921 г. Тувинская Народная Рес-

публика была принята в состав СССР на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11.10.1944 «О принятии Тувинской Народной Республики в состав СССР» и Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.10.1944 «О принятии Тувинской Народной Республики в состав РСФСР на правах автономной области».

21. Память о холокосте. Резолюция 60-1 сессии Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/7 от 21 ноября 2005 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 153–154.
22. Преамбулы Конституций Кабардино-Балкарии, Республики Саха (Якутия), ст. 3 Конституции Республики Северная Осетия — Алания и т. д.
23. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств. 1994 // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 167–177.
24. Толерантность и борьба с расизмом, ксенофобией и дискриминацией. Решение № 621 Постоянного Совета Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе от 29 июля 2004 г. // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 211–213.
25. Хартия основных прав Европейского Союза. Торжественная прокламация. Ницца, 7 декабря 2000 г. (Извлечение)// Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО

по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 228–231.

26. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай, 15 июня 2001 г. (Извлечение) // Межнациональные отношения без конфликтов: справочно-методическое пособие для работников правоохранительных органов, служащих других государственных и муниципальных органов, лидеров НПО по совершенствованию реагирования на проявления этнической и религиозной нетерпимости. — М. : Московское бюро по правам человека, Akademia, 2012. — С. 232–239.

Основные источники

1. Абдулатипов, Р.Г. Этнополитология / Р.Г. Абдулатипов. — СПб., 2004.
2. Абдулатипов, Р.Г. Опыты федерализма / Р.Г. Абдулатипов, Л.Ф. Болтенкова. — М., 1994.
3. Абдуллаева, Ч.С. Некоторые историко-правовые аспекты процедур примирения с потерпевшим / Ч.С. Абдуллаева // История государства и права. — 2008. — № 8. — С. 9.
4. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент: учеб. пособие / А.Р. Аклаев. — М. : Дело АНХ, 2008. — 480 с.
5. Альтернативное разрешение споров: учебно-методический комплекс / А.И. Зайцева, И. Захарьяшева, И.Н. Балашова, А.Н. Балашов / под ред. А.И. Зайцева. — М. : Экзамен, 2007. — 573 с.
6. Анцупов, А.Я. Конфликтология: учебник для вузов / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. — 4 изд. испр. и доп. — М. : Эксмо, 2011. — 512 с.
7. Анцупов, А.Я. Словарь конфликтолога / А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов. — СПб. : Питер, 2006. — 528 с.
8. Аринин, А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX в. / А.Н. Аринин // Федерализм власти и власть федерализма. — М., 1997.
9. Бабилунга, Н.В. Территориальная идентичность как фактор политической стабильности Приднестровья / Н.В. Бабилунга // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. — М., 1999.

10. Бабилунга, Н.В. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты / Н.В. Бабилунга, Б.Г. Бомешко. — Тирасполь, 1998.
11. Барышников, Д.Н. Конфликты и мировая политика: учеб. пособие / Д.Н. Барышников. — М. : АСТ: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. — 384 с.
12. Беляев, М.А. Демографическая безопасность России в условиях евразийского сепаратизма: муниципальный аспект / М.А. Беляев // Вестник Башкирского института социальных технологий. Сер. Регионалистика и этнополитика. — 2014. — № 3 (24). — С. 62–66.
13. Беляев, М.А. Демографическая безопасность России: этнополитический срез / М.А. Беляев // Социально-политические аспекты демографических процессов в современной России: мат-лы науч.-практич. конф. с междунар. участием. 7–8 апреля 2014 г., Ростов-на-Дону. — Ростов н/Д. : Дониздат, 2014. — С. 632–639.
14. Беляев, М.А. Институционализация сепаратистских угроз на постсоветском пространстве: политическая теория и практика: монография. — Уфа : Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2014. — 140 с.
15. Беляев, М.А. Использование процедуры медиации в практике работы с несовершеннолетними / М.А. Беляев // Система защиты прав несовершеннолетних и молодежи: проблемы, тенденции, перспективы: сб. мат-лов II Всероссийской науч.-практич. конф. с междунар. участием, 6–7 ноября 2013 г. — Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2013. — С. 35-39.
16. Беляев, М.А. Медиация как технология укрепления института семьи в условиях трансформации российского общества / М.А. Беляев // Вестник Башкирского института социальных технологий. Сер. Юриспруденция. — 2014. — № 2(23). — С. 20–22.
17. Беляев, М.А. Политические уроки сепаратизма в постсоветской России: региональный транзит // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — №6. —С. 122–128.
18. Беляев, М.А. Реализация программы «профилактика экстремизма и терроризма» в Республике Башкортостан как механизм взаимодействия государства и гражданского общества / Формирование российской идентичности как фактор национальной безопасности / М.А. Беляев // Мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф.

- (24–25 апреля, 2014, Майкоп). — Ч. 2. — М. — Майкоп — Ростов н/Д. : Изд-во АГУ, 2014. — С. 168–169.
19. Беляев, М.А. Социально-политический мониторинг восприятия и профилактики экстремизма органами молодежной политики (на примере Республики Башкортостан) / М.А. Беляев // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 8.
 20. Беляев, М.А. Этнорегиональные модификации сепаратизма в современной России: политологический анализ / М.А. Беляев // Этносоциум и межнациональная культура. — 2014. — № 7. — С. 128–136.
 21. Берил, С.И. Приднестровский университет в сфере российской надэтнической культуры / С.И. Берил, В.Р. Окушко // Вестник Приднестровского университета. — Тирасполь, 2004. — № 2(20).
 22. Благодатских, И.М. Идеологический ресурс приднестровской государственности / И.М. Благодатских // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. — Тирасполь, 2002.
 23. Блищенко, В.И. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX — начало XXI века): учеб. пособие / В.И. Блищенко, М.М. Солнцева. — М. : Городец, 2005. — 496 с.
 24. Блищенко, В.И. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX — начало XXI века) / В.И. Блищенко, М.М. Солнцева. — М., 2010.
 25. Большаков, А.Г. Организационно-корпоративные конфликты: курс лекций и учебные материалы / А.Г. Большаков. — Казань : Казанский университет, 2013. — 114 с.
 26. Брюно, П. Международное право и независимость Приднестровья / П. Брюно, Вельмонт Ф. Шансе, О. Верник. — Бендеры : Полиграфист, 2007.
 27. Буркин, А.И. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А.И. Буркин, А.В. Возжеников, Н.В. Синеок. — М. : РАГС, 2005.
 28. Василенко, И.А. Искусство международных переговоров: учеб. пособие / И.А. Василенко. — М. : Экономика, 2011. — 351 с.
 29. Василенко И.А. Искусство международных переговоров в бизнесе и в политике: учеб. пособие. — М. : Научная книга, 2009. — 302 с.
 30. Василенко, И.А. Международные переговоры в бизнесе и политике: стратегия, тактика, технологии: учеб. пособие / И.А. Василенко. — М. : Восток-Запад, 2011. — 424 с.

31. Введение в политическую теорию: учеб. пособие / под ред. Б. Исаева. — СПб. : Питер, 2013. — 432 с.
32. Власенко, Н.А. Примирение и право / Н.А. Власенко, Т.В. Чернышова // Журнал российского права. — 2012. — № 7 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС Консультант плюс.
33. Воротников, В.П. Из тени к свету. Российское общество на перепутье / В.П. Воротников. — М. : РИД ИСПИ РАН, 2004.
34. Воскобитова, Л. Доктринальный проект Модельного закона субъекта Российской Федерации «О службе примирения» / Л. Воскобитова // Мировой судья. — 2007. — № 1.
35. Никольсон, Г. Дипломатия / Г. Никольсон; под ред. А.А. Трояновского; пер. с англ. — М. : Изд-во полит. лит-ры, 1941. — 154 с.
36. Гаева, О.Х. Историко-правовой аспект развития института примирения / О.Х. Гаева, Д.С. Хайрусов // История государства и права. — 2008. — № 6.
37. Гайдаенко-Шер, Н.И. Медиация как способ разрешения международных коммерческих споров / Н.И. Гайдаенко-Шер // Журнал российского права. — 2011. — № 7.
38. Галинский, И.Н. Право приднестровского народа на самоопределение и образование суверенного государства / И.Н. Галинский // Приднестровская государственность: история и современность. — Тирасполь, 2005.
39. Галустова, О.В. Конфликтология в вопросах и ответах: учеб. пособие / О.В. Галустова. — М. : Проспект, 2006.
40. Гацалов, К.А. Страховой омбудсмен в России: возможные пути и перспективы развития / К.А. Гацалов // Юридическая и правовая работа в страховании. — 2010. — № 2.
41. Глигич-Золотарева, М.В. Правовые основы федерализма / М.В. Глигич-Золотарева. — М., 2006.
42. Глухова, А.В. Политическая конфликтология: состояние и тенденции развертывания / А.В. Глухова // Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / под ред. Е.И. Степанова. — М., 1999.
43. Глухова, А.В. Политические конфликты: основания, типология, динамика (теоретико-методологический анализ) / А.В. Глухова. — М. : ЛИБРКОМ, 2010. — 280 с.

44. Гришина, Н.В. Психология конфликта / Н.В. Гришина. — СПб. : Питер, 2009. — 544 с.
45. Гумашвили, Л.Э. Характерные черты модели российского федерализма в положениях Конституций Российской Федерации и Чеченской Республики / Л.Э. Гумашвили // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 4.
46. Давитадзе, М.Д. Причины возникновения и стадии развития межнациональных конфликтов / М.Д. Давитадзе // Стабилизация ситуации и мирное развитие на Северном Кавказе: 1-я Международная научно-практическая конференция. — М. : Пробел, 1999.
47. Давыденко, Д.Л. Примириительные процедуры в европейской правовой традиции / Д.Л. Давыденко. — М. : Инфотропик Медиа, 2013. — 232 с.
48. Джеймс, Ф. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события / Джеймс Ф. Данниген, Остин Бей; пер. с англ. А. Колина. — М. : Эксмо, 2014. — 832 с.
49. Дмитриев, А.В. Конфликт на российском распутье / А.В. Дмитриев // Социологические исследования. — 1993. — № 9.
50. Дмитриев, А.В. Конфликтология / А.В. Дмитриев. — М., 2002.
51. Дмитриев, А.В. Конфликтология: учебник / А.В. Дмитриев. — М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. — 336 с.
52. Дмитриев, А.В. Этнический конфликт: теории и практика / А.В. Дмитриев. — М., 1998.
53. Добрынин, Н.М. Новый федерализм: модель будущего государственного устройства Российской Федерации / Н.М. Добрынин. — Новосибирск, 2003.
54. Добрынин, Н.М. Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации / Н.М. Добрынин. — Тюмень, 2004.
55. Дробижева, Л.Н. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опять 20 лет / Л.Н. Дробижева. — М. : Новый хронограф, 2013. — 336 с.
56. Дробижева, Л.М. Этнополитические конфликты: причины и типология (в конце 1980-х — 1990-е гг.) / Л.Н. Дробижева // Россия сегодня: трудные поиски свободы / под ред. Л. Шевцовой и В. Киселева. — М., 1993.

57. Дубинин, Ю.В. Мастерство переговоров: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Международные отношения» / Ю.В. Дубинин. — М. : Международные отношения, 2009. — 304 с.
58. Дугин, А.Г. Этносоциология / А.Г. Дугин. — М. : Академический Проект; Фонд «Мир», 2011. — 639 с.
59. Зазыкин, В.Г. Психология «Паблик рилейшнз»: учеб. пособие / В.Г. Зазыкин, А.П. Мельников. — М. : ЭЛИТ, 2008. — 376 с.
60. Зайцева, Л.И. Переговоры как альтернативный способ разрешения споров в международном публичном праве / Л.И. Зайцева // Международное публичное и частное право — 2012. — № 3 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС Консультант плюс.
61. Зорин, В.Ю. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации: проблемы раннего предупреждения и профилактики негативных явлений (на примере Приволжского федерального округа) / В.Ю. Зорин, А.В. Рудаков. — Нижний Новгород : Ин-т ФСБ России, 2008. — 288 с.
62. Зорин, Ю.В. От национальной политики к этнокультурной / В.Ю. Зорин // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. VI.
63. История государства и права СССР / под ред. Г.С. Калинина, А.Ф. Гончарова. — М., 1972.
64. История отечественного государства и права: учебник: В 2 ч. / под ред. О.И. Чистякова. — Ч. 1. — М., 2010.
65. Камалов, М.Н. Техники переговоров: тренинги и мастер-классы для индивидуального и группового обучения / М.Н. Камалов. — Ростов н/Д. : Феникс, 2009. — 316 с.
66. Камалова, Г.Т. Формы привлечения общественности к участию в работе судебных органов Урала (1922–1930 гг.) / Г.Т. Камалова // Российский судья. — 2009. — № 9.
67. Козырев, Г.И. Введение в конфликтологию / Г.И. Козырев. — М., 1999.
68. Коннов, А.Ю. Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров / А.Ю. Коннов // Журнал российского права. — 2004. — № 12.
69. Конфликтный диалог: работа с пластами значений для продуктивных взаимоотношений / пер. с англ. — М. : Гуманитарный центр (М.А. Новицкая), 2010. — 416 с.

70. Косовский конфликт в балканском политическом контексте // Косово — международные аспекты кризиса. М. : Центр Карнеги, 1999; Этнополитические конфликты в Югославии и страны Юго-Восточной Европы / под ред. А.А. Язьковой. — М. : ИМЭПИ РАН; Эпикон, 2000.
71. Кочеткова, Н.И. Этнический правовой обычай как источник права России / Н.И. Кочеткова. — Ростов н/Д., 2007.
72. Кудрявцев, В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. — М., 2007.
73. Лазарев, С.В. Основы судебного примирения / С.В. Лазарев. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 256 с.
74. Лебедева, М.М. Технология ведения переговоров / М.М. Лебедева. — М. : Аспект Пресс, 2010.
75. Лукьянова, Е.А. Государственность и конституционное законодательство России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Е.А. Лукьянова. — М., 2003.
76. Лэкс, Д.Э. Переговоры в трех измерениях / Д.Э. Лэкс, Д.К. Себениус; пер. с англ. — М. : Хорошая книга, 2008. — 424 с.
77. Малашенко, А.В. Политика в России и Россия в политике / А.В. Малашенко. — М. : Независимая газета, 2013. — 446 с.
78. Матненко, М.В. Третейское урегулирование разногласий в трудовых отношениях / М.В. Матненко // Трудовое право. — 2008. — № 6.
79. Медиация в практике нотариуса / отв. ред. С.К. Загайнова, Н.Н. Тарасов, В.В. Ярков. — М. : Инфотропик Медиа: б. и., 2012. — 336 с.
80. Международное право: учебник / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. — М. : Норма, 2007. — 944 с.
81. Мигущенко, О.Н. Истоки формирования религиозно-нравственной составляющей российского правосознания / О.Н. Мигущенко // История государства и права. — 2007. — № 11.
82. Мигущенко, О.Н. Общественные суды при сельских советах как фактор формирования правосознания населения (по материалам ЦЧО) / О.Н. Мигущенко // Мировой судья. — 2008. — № 3.
83. Муравьев, А.А. Развитие государственного устройства Российской Федерации как фактор совершенствования системы регионального управления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / А.А. Муравьев. — М., 2003.

84. Муравьев, А.А. Развитие системы регионального управления Российским федеративным государством / А.А. Муравьев. — М. : Оазис-Дизайн, 2007.
85. Мухаев, Р.Т. Теория политики: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарно-социальным дисциплинам (020000) и специальности «Международные отношения» (350200) / Р.Т. Мухаев. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 623 с.
86. Мяло, К.Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000): к истории падения сверхдержавы / К.Г. Мяло. — М. : Вече, 2002.
87. Наумкина, В.В. Деятельность судов «словесной расправы» в Восточной Сибири XIX века / В.В. Наумкина // История государства и права. — 2007. — № 12.
88. Непризнанные государства. Научные тетради Института Восточной Европы / под общ. ред. А.Л. Погорельского. — Вып. 1. — М. : Территория будущего, 2006.
89. Нерсесянц, В.С. Право в системе социальной регуляции / В.С. Нерсесянц. — М., 1986.
90. Нижечек, В.И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений / В.И. Нижечек. — Иркутск, 1973;
91. Никовская, Л.И. Формирование конфликтологии этнонациональных отношений / Л.И. Никовская, Е.И. Степанов // Конфликты в современной России: Проблемы анализа и регулирования / под ред. Е.И. Степанова. — М., 1999.
92. Новый общественно-политический словарь / пер с фр. — М. : Московская школа политической исследований, 2008. — 548 с.
93. Обушиев, С.П. Судебная политика в национальных окраинах Российской империи в XIX веке (Дальний Восток, Сибирь, степное Предкавказье, Закавказье, Казахстан и Средняя Азия) / С.П. Обушиев, Г.Б. Умерова // Право и политика. — 2007. — № 5.
94. Паин, Э. Межнациональные конфликты в СССР // Советская этнография / Э. Паин, А. Попов. — 1990. — № 1.
95. Пихов, А.Х. Конституционное развитие Кабардино-Балкарской Республики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.Х. Пихов. — Саратов : СГАП, 2005.
96. Пихов, А.Х. Конституционно-правовое регулирование национальных отношений / А.Х. Пихов // Ленинградский юридический журнал. — 2012. — № 2.

97. Покровский, И.Ф. История права и его будущее / И.Ф. Покровский, А.В. Овлащенко // Транспортное право. — 2009. — № 1.
98. Полянский, В.В. Национальный фактор и перспективы развития Российской Федерации / В.В. Полянский // Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран / Под ред. проф. С.А. Авакьяна. — М. : Изд-во МГУ, 2001.
99. Понеделков, А.В. Лидерско-элитная проекция политических процессов современной России: итоги исследования последнего 2-летия (1994–214 гг.) / А.В. Понеделков, А.М. Старостин // Информационно-аналитические мат-лы науч.-практич. конф. с междунар. участием «Лидер, элита, регион» (27–28.10.2014 г., Ростов-на-Дону). — Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014. — 112 с.
100. Попова, О.В. Политический анализ и прогнозирование: учебник / О.В. Попова. — М. : Аспект Пресс, 2011. — 464 с.
101. Почебут, Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: учеб. пособие / Л.Г. Почебут. — СПб. : Питер, 2012. — 336 с.
102. Практическая психология для дипломатов: учеб. пособие / под ред. Р.Ф. Додельцева; Моск. гос. ин-т меж. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. — М. : МГИМО-Университет, 2011. — 508 с.
103. Психология конфликта. Хрестоматия / сост. и общая редакция Н.В. Гришиной. — СПб.: Питер, 2008. — 480 с.
104. Пугачев, В.П. Введение в политологию: учебник для студентов вузов / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Аспект Пресс, 2010. — 448 с.
105. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. ст. / под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. — М. : Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. — 320 с.
106. Редлих, А. Модерация конфликтов в организации / А. Редлих, Е. Миронов. — СПб. : Речь, 2009. — 240 с.
107. Ричард, Льюис. Столкновение культур: Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей / Ричард Льюис; пер. с англ. А. Андреева, М. Павловой. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 640 с.
108. Рубинштейн, Е.А. Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон: дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Рубинштейн. — М., 2004.

109. Савва, Е.В. Этнический и этнополитический конфликт: проблемы построения теоретической модели / Е.В. Савва // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. — Вып. 18: Этническая и региональная конфликтология. — Москва — Ставрополь, 2002.
110. Садохин, А.П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособие / А.П. Садохин. — М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2012. — 288 с.
111. Садохин, А.П. Этнология: учеб. пособие / А.П. Садохин. — М. : Альфа-М; ИНФРА-М, 2011. — 352 с.
112. Сидорина, Т.Ю. Национализм: теории политическая история: учеб. пособие для вузов / Т.Ю. Сидорина, Т.Л. Полянников; Гос. ун-т Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. — 356 с.
113. Соловьев, А.И. Политическая теория и политические технологии / А.И. Соловьев. — М., 2003.
114. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. Вып. 20: Региональные конфликты: моделирование, мониторинг, менеджмент. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 464 с.
115. Социологический словарь / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев; уч. секр. О.Е. Чернощек. — М. : Норма, 2008. — 608 с.
116. Степанов, В.П. Динамика гражданской и этнической идентичности в современной Молдове / В.П. Степанов // Национальные образы мира: Единство — разнообразие — справедливость: мат-лы Международной науч.-практ. конф. (22–23 октября 2003 г., Кишинев). — Кишинев, 2013.
117. Стрелецкий, В.Н. Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы / В.Н. Стрелецкий // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. — М., 1997.
118. Суд доброй воли. В России вводится альтернативная процедура урегулирования споров // Российская газета. — 2010. — № 148. — 8 июля.
119. Султыгов, А.-Х.А. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в современных условиях / А.-Х.А. Султыгов. — М., 2005.
120. Тадевосян, Э.В. Российский федерализм и современные национально-государственные институты / Э.В. Тадевосян // Государство и право. — 1996. — № 10.

121. Технология ведения переговоров: учеб. пособие для студентов вузов / М.М. Лебедева. — М. : Аспект Пресс, 2010. — 192 с.
122. Тимофеева, Л.Н. Политическая конфликтология / Л.Н. Тимофеева. — М. : РАГС, 1996. — 22 с.
123. Тимофеева, Л.Н. Политический конфликт / Л.Н. Тимофеева. — М. : РАГС, 2008. — 32 с.
124. Тишков, В.А. Межэтнические отношения и конфликты: перспективы нового тысячелетия / В.А. Тишков // Антропология власти. — 2012. — № 2.
125. Тишков, В.А. О природе этнополитического конфликта / В.А. Тишков // Свободная мысль. — 1993. — № 4.
126. Тишков, В.А. Очерки теории и политики этничности в Российской Федерации / В.А. Тишков. — М., 1997.
127. Тишков, В.А. Этнополитология: Политические функции этничности: учебник для вузов / В.А. Тишков, Ю.П. Шабаев. — М. : 2013. — 413 с.
128. Тишков, В.А. Этнология и политика. Статьи 1989–2004 гг. / В.А. Тишков. — 2-е изд., доп. — М., 2005.
129. Тумурова, А.Т. Генезис обычного права бурят / А.Т. Тумурова. — Улан-Удэ, 2005.
130. Устав гражданского судопроизводства с разъяснениями Сената по 1903 г. включительно. — Екатеринбург, 1904.
131. Федерализм: Энциклопедия. — М., 2000.
132. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. — М., 2007.
133. Хейвуд, Эндрю. Политология: учебник для студентов вузов / Эндрю Хейвуд; пер. с англ.; под ред. Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. — 544 с.
134. Чиркин, В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ / В.Е. Чиркин // Государство и право. — 1994. — № 8–9.
135. Шамликашвили, Ц.А. Медиация как альтернативная процедура регулирования споров: что необходимо знать судье, чтобы компетентно предложить сторонам обращение к процедуре медиации: учеб. пособие для вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ц.А. Шамликашвили. — М. : Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2010. — С. 160.

136. Шестопал, Е.Б. Политическая психология: учебник для студентов вузов / Е.Б. Шестопал. — М. : Аспект Пресс, 2012. — 342 с.
137. Ширяева, Ю.В. История примирительных процедур в России / Ю.В. Ширяева // Исполнительное право. — 2008. — № 2.
138. Ямсков, А.Н. Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии / А.Н. Ямсков // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / под ред. М.Б. Олкотт, В.А. Тишкова, А.М. Малашенко. — М., 1997.

Иностранные издания

1. Esman, M.J. International Organizations and Ethnic Conflict. Ithaca / M.J. Esman. — N.Y. : Cornell University Press, 1994.
2. Gurr, T.R. Minorities at Risk: Global View of Ethnolitical Conflicts / T.R. Gurr. — Washington, DC:USIP Press, 1995.
3. Rothschild, D. Hegeonial exchange: An alternative model for managing conflict in Middle Africa / D. Rothschild; D.L. Thompson, D. Ronen (eds) // Ethnicity, Politics and Development. — Boulder, CO : Lynne Rienner, 1986.
4. McGarry, J. The Politics of Ethnic Conflict regulation / J. McGarry, O Leary B. — L.: Routledge, 1993.

Учебное издание

Беляев Максим Анатольевич

**ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В РЕГУЛИРОВАНИИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ**

Учебное пособие

Компьютерная верстка А.Г. Бурмистровой
Техническое редактирование: Т.Е. Бочарова

Сдано в набор 16.03.2015. Подписано в печать 29.04.2015.
Формат 60 × 84/ 16. Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 5,23. Уч.-изд. л. 5,39. Тираж 300. Заказ 53

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
Образовательного учреждения профсоюзов
высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»
450054, г. Уфа, просп. Октября, 74/2. Тел. (347) 248-43-01

Отпечатано в БИСТ (филиале) ОУП ВО «АТиСО»
450054, г. Уфа, просп. Октября, 74/2.
www.ufabist.ru

